

"ЖЕНСКИЙ ПОЧЕРК" в современной прозе

Амурская областная научная библиотека
имени Н. Н. Муравьева-Амурского

Отдел библиографии и электронных ресурсов

«Женский почерк» в современной прозе

Библиографический обзор

Благовещенск
2018

«Женский почерк» в современной прозе : библиогр. обзор /
Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьева-Амурского ; сост. И.
В. Трофимова. – Благовещенск, 2018. – 48 с.

Составитель: И.В. Трофимова
Ответственный за выпуск: Н.Г. Долгоруков
Компьютерная верстка: М.И. Гнускова

© Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского

Содержание

От составителя	4
Абгарян Наринэ	5
Петрушевская Людмила	11
Рубина Дина	19
Толстая Татьяна	26
Улицкая Людмила	36

От составителя

«Женская проза», официально признанная литературным явлением в конце XX века, сегодня выделяется как устойчивый феномен отечественной литературы. Литературная критика так определяет данное литературное явление: «Женская проза есть – поскольку есть мир женщины, отличный от мира мужчины, у женщины собственная тяжелая роль в русском обществе, и из-за такой судьбы у женщины должно быть специальное литературное место».

Особенностью «женской прозы» является отстраненность от злободневных политических страстей, внимательность к глубинам частной жизни современного человека. Душа конкретного человека для «женской прозы» не менее сложна и загадочна, чем глобальные катаклизмы эпохи. Как сказала в одном из своих интервью Людмила Улицкая: «Мир мужской и мир женский – разные миры. Местами пересекающиеся, но не полностью. В женском мире большее значение приобретают вопросы, связанные с любовью, семьей, детьми». Именно поэтому неизменным успехом у читателей пользуются произведения ярчайших представительниц «женской прозы» – Наринэ Абгарян, Людмилы Петрушевской, Дины Рубиной, Татьяны Толстой, Людмилы Улицкой.

Библиографический обзор «Женский почерк в современной прозе» знакомит с новыми книгами этих авторов. Каждая персоналия содержит краткий обзор, библиографию произведений и литературы о творчестве. Издание адресовано библиотекарям, учителям литературы, студентам и школьникам.

Абгарян Наринэ

Наринэ Абгарян стала известна после публикации автобиографической книги «Манюня», в которой чрезвычайно увлекательно описывала свое детство в армянской глубинке. Потом была «Понаехавшая» – о том, как девушка из голодной Армении приехала в 1994 году в российскую столицу получать второе высшее образование, а стала работать в обменном пункте гостиницы «Интурист» и наблюдала нравы «лихих 90-х» из самого пекла лихости. В итоге

получился портрет 90-х годов со всеми их героями и атрибутами – с бандитами, валютными проститутками, дефолтом, супермаркетами, куда ходили не покупать, а посмотреть, со стремительно меняющейся реальностью. Но получается не чернуха, а добрая сказка со смешными матерными неологизмами. Новый поворот в современном историческом дискурсе.

Новые книги Н. Абгарян **«Люди, которые всегда со мной»**, **«С неба упали три яблока»**, **«Дальше жить»** – тоже о жителях Берда, о земляках автора. **«Люди, которые всегда со мной»** – рваное, рассыпное повествование о семье писательницы сначала приводит в недоумение. Затем – больно цепляет и не отпускает. А потом перед тобой открывается целый мир, мир армянской семьи с ее родовыми трагедиями. Эта книга Наринэ Абгарян – истории из жизни одной отдельно взятой армянской семьи со всеми братьями, сестрами, бабушками, дедушками, а также соседями. Столько печали, столько сложных судеб... В этой книге автор выплескивает всю боль и тоску, что носила в себе. Не только свою, но и чужую, тех, кто умерли и до, и после ее рождения. Всю печаль пропустила сквозь себя, всю вылила в книгу. **«Люди, которые всегда со мной»** – это семейная сага, история людей, переживших немало тяжелых испытаний, но сохранивших в сердце доброту, человечность и любовь друг к другу. Роман о старших, о близких, которые всю жизнь поддерживают нас – даже уже уйдя, даже незримо – и делают нас теми, кто мы есть. **«Ты стоишь в начале пути. За твоими плечами множатся и множатся твои ушедшие в небытие предки. За левым плечом – по линии мамы.**

За правым – по линии отца. Они – твои крылья. Они – твоя сила. Держи их всегда за спиной, и никто никогда не сможет сделать тебе больно. Потому что, пока помнишь о крыльях – ты неуязвима. И ты живешь, неуязвимая, осененная присутствием тех, которые ушли, но навсегда остались с тобой».

Наверное, эта книга не оставит равнодушным никого, и каждый, читая ее, обязательно вспомнит и свои корни, своих родных и близких. В ней много горя, но еще больше любви. Это история семьи Наринэ Абгарян. «Ствол» этого семейного дерева составляют четыре женщины: прабабушка Тамар, бабушка Тата, мама Вера и Девочка. От их историй то и дело отделяются повествования о бесчисленных родственниках, друзьях и соседях. Этим женщинам и их семьям пришлось многое пережить на своем веку: геноцид армян в Османской империи, Вторую мировую войну, голодные годы, Карабахский конфликт... Их жизнь не назовешь легкой: они спасались от погромов, хоронили супругов и детей, боролись с нищетой и вели хозяйство в условиях, которые сейчас кажутся едва ли не первобытными. Однако они выстояли, выдержали все тяготы и лишения и в глубокой старости остались не только активными, но и удивительно жизнерадостными. «Жизнь – она там, где нас любят... Жизнь – она там, где нас ждут».

Книга построена как ряд рассказов от разных лиц. История семьи тесно переплетается с историей страны, кровавой и жестокой. Это книга о любви к родному краю, его краскам, запахам, звукам. Автор рассказывает о семейных традициях и обычаях, которые передаются из поколения в поколение и которые, по сути, становятся визитной карточкой семейного клана, где бабушек и дедушек помнят, любят и уважают, где о детях заботятся все вместе, где вместе радуются и где вместе грустят.

О чем бы ни писала Наринэ Абгарян, о безыскусном быте жителей маленькой горной деревни, об ужасах войны или о детстве – все ее произведения говорят о красоте жизни. И о том, что в любой ситуации нужно оставаться человеком. Роман «**С неба упали три яблока**» переносит своего читателя далеко на Кавказ. Там, в Армении, высоко в горах расположилась маленькая, забытая Богом и людьми деревушка Маран. Один раз в неделю туда поднимается почтальон. Он привозит свежие газеты и, время от времени, небольшие посылки: передачи с продуктами, книжками, какими-то вещицами для быта от далекой родни. И тогда в деревушке случается праздник.

Почтальон приносит и последние новости из города, становясь неким связующим звеном между городом и миром обитателей маленькой деревни. А обитатели здесь – одни старики. Так и живут они одной огромной семьей: делятся радостью и горем, помогают по хозяйству самым старым и радуются каждому белому дню, ожидая тихого забвения. Среди жителей деревни вообще нет молодых: их или война унесла, или они спустились с гор и ушли в другую жизнь. А старики живут по старинке, неспешно, трудно, поддерживая друг друга, в привычной покорности судьбе.

Роман начинается так: «В пятницу, сразу после полудня, когда солнце, перевалившись через зенит, чинно покатилося к западному краю долины, Севоянц Анатолия легла помирать». Анатолии – самой молодой жительнице деревни – 58 лет. Это рано постаревшая женщина, чья печальная история приводится почти полностью, ныне умирает от маточного кровотечения, поэтому она и подводит итоги прожитой жизни. Анатолия уверена, что смертельно больна, и завершив свои простые земные дела, ложится умирать, чтобы уйти спокойно и с достоинством. Только вот умереть ей не дадут. Ей предстоит, казалось бы, невозможное в этом возрасте: выйти замуж, влюбиться и родить ребенка. И трудно даже предположить, что грустное начало произведения плавно перетечет в радужное окончание, слишком фантастическое для правды. И все-таки в один солнечный день в деревне случается чудо. Неожиданно довольно-таки пожилая женщина забеременела и в скором времени у нее родилась дочка. Теперь эта маленькая девочка – будущее всех жителей Марана. Каждый по очереди заботится и растит ее, отдавая ребенку все свое тепло и нежность.

Книга Наринэ Абгарян «**Дальше жить**» – о войне. О том, как война отражается в судьбах людей, ею искалеченных и нашедших силы дальше жить. «В семье Агапи никогда не говорят о войне, может, потому, что знают о ней все. Что она имеет обыкновение начинаться, но не заканчивается никогда. Что сначала она разрушает дома и забирает мужчин, а потом, когда утихает, напускает неизлечимые болезни на женщин. Следом, вдоволь поглумившись над взрослыми, она уводит в потусторонье тех молодых, которые не справились со страхом. Война каждого помечает своим клеймом и никому не дает спастись». Жители приграничного городка Берда знают о войне все. «Каким-нибудь утром она обязательно окажется на пороге вашего дома, и единственный выход, который она вам оставит, – уйти, забрав с собой тех, кто вам дорог». Да, таковы правила войны...

«Дальше жить» – 31 рассказ об обитателях армянского приграничного городка Берд в годы военного противостояния в Нагорном Карабахе и сегодня. В романе Абгарян «С неба упали три яблока» речь шла об этом же городе, но в тех рассказах хоть и чувствовалась грусть, не было послевоенной боли, какую испытывают герои этих историй. Это книга о тех, кто пережил войну. Реквием по тем, кого нет. «Утром выглядывает солнце. Берд переливается в его лучах рождественской гирляндой – он устлан, словно ковром, осколками выбитых стекол». Судьбы здесь переплетаются, каждый герой следующего рассказа обязательно мелькнет в предыдущем. В «Дальше жить» практически не стреляют, здесь описана жизнь после войны: скорбь, слезы, воспоминания о днях, когда все еще были вместе и счастливы.

«Кружева» – рассказ о журналистке, которая приехала в Дербент по работе. Когда-то война отняла у нее родных... И боль в душе постоянно о себе напоминает. Анна встречает на улице старуху-азербайджанку, которая рассказывает, как в пятилетнем возрасте ее спас армянин. Случайная встреча помогла, и сердце более не сковывают тиски. В «Ожидании» рассказывается о том, как отец девочки Цовинар приводит домой заложника. «Взял, чтобы обменять», – объясняет он дочери. Незадолго до этого у девочки пропала мать. Цовинар тайком от отца ухаживает за пленником, а ночью вместе с бабушкой девочка помогает юноше сбежать.

Рассказы Абгарян без прикрас – но они пропитаны ароматом цветущего персикового сада, теплом хлеба, только что вынутого из печи, тягучестью меда. В этом Абгарян верна себе, ее истории сохраняют в первую очередь человеческое, жизненное, горе, которое так или иначе объединило многих. «Атанес долго лежит в постели, вглядываясь в безответные глаза ночи. Рядом, по-детски подложив под щеку ладонь, спит Левон. Война забрала у Атанеса всех, и сына бы забрала, да не смогла – его выбросило из разбомбленного автобуса за секунду до того, как тот рухнул в пропасть. Был здоровый крепкий парень, а теперь калека и дитя дитем. Спроси, сколько ему лет, и не ответит. А ведь прошлой зимой справили тридцать пять! У Анички было страшнее, хотя кто объяснит, каким мериллом можно измерять боль. Семья ее сгинула в погроме, все, что ей удалось отыскать, – обугленные останки младшего сына. Собрала в узел, перенесла через границу, похоронила. Когда узнала о Левоне, испекла багардж – любимое лакомство своих детей, пришла проведать. Так и ходит много

лет. Атанес сначала отнекивался – не хотел ни от кого зависеть, но потом привык и даже полюбил. Однажды, набравшись смелости, предложил пожениться. Она ответила, что на двоих у них будет столько горя, что не справиться. А так, каждый со своим, как-то проживут».

Одна из героинь книги (рассказ «Туманы») – младшая сестра Наринэ Абгарян: ее семью тоже затронула война. Писательница признается: книга далась с таким трудом, что она зареклась возвращаться к теме войны: «Писать о войне – словно разрушать в себе надежду. Словно смотреть смерти в лицо, стараясь не отводить взгляда. Ведь если отведешь – предашь самое себя. Я старалась, как могла. Не уверена, что у меня получилось. Жизнь справедливее смерти, в том и кроется ее несокрушимая правда. В это нужно обязательно верить, чтобы дальше – жить».

Это книга о земляках Манюни. Они все так же готовят кавурму, собирают мед, пекут хлеб и ткут ковры, хотя жизнь каждого навсегда разделена на до и после войны. Гордые, свободные, простые и добрые люди, которые знают, как быть счастливыми всю жизнь... Зверства, убийства и прочие ужасы войны по большей части милосердно вынесены за рамки повествования, а в фокусе оказываются слезы, шрамы, утраты и воспоминания. Из этих множественных трагедий, из личных и коллективных травм (в том числе травмы ее собственной семьи) Абгарян плетет погребальный венок, не столько взывая о мести, сколько оплакивая погибших. «Дальше жить» выделяется на общем фоне книг о войне своей неповторимой интонацией. Сквозь обстоятельства, которые сломали бы многих, бердцы идут с прямой спиной и расправленными плечами. «Женщины городка встают с утра и отправляются на кладбище, чтобы убрать и помыть могилы. Они делают это тихо и с достоинством, осторожно прикрывая за собой калитку кладбищенской ограды и отмечая смех детей в просыпающемся Берде». Как справедливо отмечает Мариам, одна из героинь рассказа: «Как бы ни болела душа, и как бы ни плакало сердце, береги в чистоте тот лоскут мира, что тебе доверен. Ведь ничего более для его спасения ты сделать не сможешь». Абгарян пишет о войне с огромной горечью, но без удушающей злобы. Пишет для того, чтобы, наконец, поставить точку в этой страшной истории и пойти дальше.

Произведения Н. Абгарян

- Дальше жить. – Москва : АСТ, 2018. – 252 с.
- Девять дней в июле : сб. рассказов. – Москва : АСТ, 2015. – 382 с.
- Двойная радуга : сб. рассказов и повестей о жизни настоящей. – Москва : АСТ, 2015. – 346 с.
- Зулали. – Москва : АСТ, 2018. – 350 с.
- Люди, которые всегда со мной. – Москва : АСТ, 2017. – 346 с.
- Манюня. – Москва : АСТ, 2010. – 317 с.
- Манюня пишет фантастический роман. – Москва : АСТ, 2016. – 349 с.
- Манюня, юбилей Ба и прочие тревобления. – Москва : АСТ, 2017. – 345 с.
- Понаехавшая. – Москва : АСТ, 2015. – 220 с.
- Рассказы к Новому году и Рождеству. – Москва : АСТ, 2017. – 365 с.
- С неба упали три яблока ; Люди, которые всегда со мной ; Зулали. – Москва : АСТ, 2017. – 729 с.
- Счастье Муры. – Москва : АСТ, 2015. – 96 с.
- Шоколадный дедушка. – Москва : АСТ, 2017. – 218 с.

Литература о творчестве Н. Абгарян

- Алавердова, Л. Небесные яблоки : о кн. н. Абгарян «Зулали» и «С неба упали три яблока» / Л. Алавердова // Знамя. – 2017. – № 4. – С. 220–222.
- Галкина, В. Грустные сказки Шахерезады : о новой кн. Н. Абгарян «Зулали» / В. Галкина // Лит. газ. – 2016. – № 29. – С. 9.
- Кульгавчук, М. Для массового читателя : творчество Наринэ Абгарян // Вопр. лит. – 2018. – № 2. – С. 66–76.
- Сергеева, Н. О сборнике Н. Абгарян «Зулали» / Н. Сергеева // Звезда. – 2016. – № 9. – С. 268–269.

Петрушевская Людмила

Людмила Петрушевская – одна из самых ярких писательниц конца XX века. Автор пьес «Уроки музыки», «Чинзано», «Квартира Коломбины», «Московский хор». Проза Петрушевской представляет собой своеобразную энциклопедию женской жизни от юности до старости: «Приключения Веры», «История Клариссы», «Дочь Ксени», «Песни восточных славян», «Время ночь», «Кукольный роман».

Ее произведения долго не публиковали, находя различные предлоги для многочисленных отказов. Современная критика называет ее рассказы «прозой новой волны», так как в них есть композиционная и стилистическая необычность, переосмысление известных произведений классики. Вечным темам писательница дает оригинальную трактовку. Темы для своих рассказов автор берет из череды повседневных событий. Писательница показывает мир, далекий от благополучных квартир и официальных приемных. Ее герои – незаметные, замученные бытом люди, тихо страдающие в своих неприглядных дворах и коммунальных квартирах. Писательница показывает нескладную жизнь, в которой отсутствует какой-либо смысл. Привычные для каждого читателя картины не мешают автору поднимать и решать серьезные нравственные проблемы.

Как-то в интервью у Людмилы Петрушевской спросили, что она думает по поводу критики в свой адрес, напомнив, как ее рассказы отказались публиковать, потому что «талантиливо, да уж больно мрачно». Ее вообще обвиняли в «чернухе». Людмила Стефановна ответила: «Это обвинение советских времен. Граждане идеологи, критики и редакторы, придумавшие термин «социалистический реализм», должны были придумать словцо «чернуха», чтобы защитить свой этот соцреализм, который был восхвалением начальства в понятной для него форме. Но они не учитывали историю мировой литературы. Добр тот, кто взывает к милосердию, не может вынести больную ситуацию и должен рассказать о чужом горе как о своем. А недобр тот, кто эти рассказы считает чернухой и помехой для своего благоденствия».

Людмила Петрушевская и сейчас осталась верна себе. Ее новая книга **«Странствия по поводу смерти»** – страшная правда о нашей жизни. Точнее, о жизнях, которые писательница словно бы подсмотрела в замочные скважины. Если раньше Петрушевская писала сказки, то теперь это что-то на грани триллера или детектива. Каким образом Петрушевская умудряется материал, пригодный разве что для программы «Криминальная Россия», превратить в настоящую литературу, от которой захватывает дух, – ей одной ведомо. Но эти рассказы вновь поражают беспроигрышным сочетанием трагедии, мелодрамы и едва уловимой сказочной атмосферы, распыленной в мире сурового криминала. Новая заглавная повесть сборника «Странствия по поводу смерти», – это детективная история, стремительный триллер с погоней, бриллиантами и стрельбой. И все это – на фоне семейной саги, по сути, истории страны и общества в концентрированном виде – от репрессий до современных следователей-перевертышей. Как всегда жестко и одновременно иронично, мастерски жонглируя жанрами, Петрушевская говорит о серьезных вещах между строк, как бы за сюжетом – и ставит точные и иногда болезненные диагнозы нашему времени и нашей истории.

В книги Людмилы Петрушевской проваливаешься, как в колодезь: в мире ее прозы темно, сыро, постоянно кого-то режут, убивают и помещают в коммунальный ад, рвущийся наружу сквозь мнимое благополучие семейной жизни. Кажется, что горести и напасти Петрушевская коллекционирует как фетиши, взращивая из каждого то рассказ, то повесть, а порой и целый триллер. Главная героиня повести «Странствия по поводу смерти» Вера должна лететь в Петербург по случаю кончины своей тетушки. Тетя давно с их семьей не общалась и даже не отвечала по телефону, а сразу бросала трубку, и этой тете было за восемьдесят, а ее родной сестре, маме Веры, под семьдесят. Во всяком случае, у умершей иногородней тети эта Вера с ее мамой должны были считаться единственными родственниками, а, стало быть, и наследниками. Однако тетина квартира не отходила им по воле этой самой тети, было давно ею объявлено, что «тут лошуха и хотят ее убить и ограбить». Началось все с того, Верина мама один раз обратилась к сестре с просьбой отдать ей из родительского чулана старый оранжевый абажур – Вера как раз ехала с экскурсией в Петербург.

У тети Вали, как она сама считала, и «только у нее были подлинные права на родительское имущество, а не у этой младшей сестры-

высочки-москвички» – (имелась в виду Лора, мама Веры), это было объявлено сестре по телефону. И именно Валя, как выяснилось впоследствии, хоронила сначала бедного папу, все перенесла, и его алкоголизм, и старческую деменцию («все под себя и уже не поднимался»), а потом проводила и «героически курившую до конца дней маму, последний раз в постели в больнице ночью, отчего и сгорела». Причем Валя ни слова не сообщила в Москву об этих ужасных вещах в своей жизни, все трагически вынесла одна. Мама Лора узнавала о событиях все по телефону от ее соседки, своей подружки по детскому саду. Та ничего не видела, похороны-то теперь происходят не по месту жительства, а по больницам, но как-то догадывалась: «Валяшка плакала в голос». И потом все выложила как на духу, пришла занять яйцо у соседки, да за чашкой чая и засиделась.

Конечно, Лора звонила сестре с соболезнованиями и участливо, как несчастной сироте. Но сама эта Валя тут же отвечала по телефону бодро и злобно, что эта соседка бредит, все придумывает, выдает желаемое за действительное: «Вы так и мечтаете, да? Чтобы все перемерли, я в том числе? Москва, не суйся!». А потом вообще перестала брать трубу. Но соседке-то она призналась, что этим облегчила себе жизнь, и наследство сохранила, и не потратилась, и не должна была выносить еще и «эту сестру-москву с претензиями на абажур...». «Ваша афера с моим антиквариатом не вышла», – как ответила ей в письменном виде неприступная Валя.

Вера едет в аэропорт, попадает в аварию и чудом спасается, выбравшись из горящей машины и прихватив заодно чужой чемодан с краденными алмазами. За чемоданом ожидаемо охотятся полицейские, оказавшиеся настоящими бандитами – а значит, жди колоритных допросов с пристрастием, ножа у горла, изнасилований и еще бог знает чего. При этом мир ужасов Людмилы Петрушевской максимально одомашнен и по-своему даже приятен, как камера пыток с выглаженными занавесками в ромашку на окнах. Приступая к ее рассказам, важно помнить, что за каждой аккуратной дверью живут психопаты, готовые зарезать вас среди ночи, мужья, поколачивающие своих жен и прочие тихие, домашние экстремисты.

Триллер «Конфеты с ликером» – история молодой женщины, жены серийного убийцы, пытающейся спасти своих детей. Главная героиня – медсестра Леля – в первой главе предстает перед читателем как несчастная, забытая жертва Никиты – жестокого мужа, только и мечтающего избавиться от нее и детей, но почему-то не стремяще-

гося подать на развод. После неудавшейся попытки Никиты отравить все семейство, Леля сбегает из дома и отвозит детей в детскую больницу. Вроде бы типичная бытовая ситуация, то, что называют «семейным насилием», и о чем постоянно вещают по вечерам ведущие ток-шоу на телевидении. Предполагаемая причина Никитиной агрессии – желание оставить себе квартиру, в которой прописаны жена и дети, что было бы невозможно в случае развода. Об этом говорит и название главы – «Жилищный вопрос», отсылка к булгаковскому «квартирный вопрос только испортил их...». Кроме того, Леля упоминает о возможных проблемах с психикой у Никиты, и его беспричинной ревности.

Со второй главы, «Соперники», начинается ретроспективное абсурдное нагромождение событий. Мы узнаем, что после жестокого насилия со стороны своего пациента Никиты Леля неизвестно почему безропотно соглашается выйти за него замуж, хотя за ней вроде бы ухаживал и другой мужчина – сослуживец Данила. Причина названа такая: «Леля боялась его смертельно, вот в чем было дело». После свадьбы они живут в убогом домишке в Сергиевом посаде, доставшемся Леле от деда, время от времени Никита ездит в Москву, чтобы ухаживать за тяжело больной бабушкой, в чьей квартире он прописан.

В третьей главе «Семейная жизнь» продолжается нагромождение кошмара. Когда обнаруживается тщательно скрываемая беременность Лели, обоим становится понятно, что зимовать с ребенком в деревенской избушке будет невозможно. Никита без объяснения исчезает на неделю, а потом объявляется и сообщает, что бабушка его умерла, и он только с похорон. Леля подозревает, что смерть бабушки не случайна: «Убийца, преступник мог так выглядеть». Через несколько месяцев Никита перевозит Лелю в свою квартиру, которую прежде делил с бабушкой.

В четвертой главе – «Ремонт» – подоплека событий начинает понемногу проясняться. Читатель уже давно задается вопросом: в чем причина такой бесхребетности Лели, зачем молча терпеть несправедливость и почему бы не обратиться в правоохранительные органы? И тут обнаруживается, что сама Леля – вовсе не такая святая, какой казалась поначалу. У беспричинной ревности Никиты причины были, ребенка Леля ждала от своего многолетнего любовника и сослуживца, того самого хирурга Данилы, женатого на женщине с ребенком и не планирующего развод. Самостоятельно занимаясь ремон-

том в квартире, невероятными усилиями раздобывая стройматериалы, блаженная Леля по-прежнему страдает и терпит побои и издевательства Никиты. Более того, она и денег не получает ни на что от Никиты, тот работает младшим научным сотрудником в лаборатории, где почти не платят. При этом Леля успевает и Даниле пожаловаться: «Ему нужна раба.... И я не могу от него уйти, он убьет...».

Пятая глава «На сладкое» – с названием довольно двусмысленным. Кроме прямого указания на пресловутые конфеты с ликером, автор будто бы спрашивает: «Как, вам не достаточно бреда? Хотите еще? Ну, так получите на сладкое!». Чудом оставшись в живых после попытки Никиты отравить ее и детей, Леля возвращается в квартиру, чтобы забрать вещественные доказательства преступления – конфеты, спрятанные в морозилке. И тут степень абсурда начинает буквально зашкаливать, события цепляются одно за другое, как снежный ком. Конфет в морозилке не обнаруживается, зато появляется сестра Никиты, абсолютно уверенная в смерти Лели и детей – проверяет, в каком состоянии ее наследство. Оказывается, что несколько дней назад Никита умер вместе со своей новой женой – отравился теми самыми конфетами, которые эта женщина по незнанию прихватила с собой. Ядом было вещество, изобретенное Никитой, от него, судя по всему, скончалась в свое время его бабушка. Этим же веществом он отравил несколько человек в своей лаборатории, в тщетной попытке получить повышение в должности. Никитина сестра, такая же жестокая психопатка, как и сам Никита, решает зарезать Лелю, чтобы не иметь проблем с оформлением наследства на квартиру. Но на вопли Лели с верхнего этажа прибегает соседская собака (жуткая овчарка), и вопрос с сестрой решается быстро, «сильно и бесшумно».

Спасение Лели произошло чисто случайно. Реалистичное, заслуженное спасение полагается положительному герою, а в «Конфетах с ликером» положительных героев нет. Ясно, что семейка Никиты – он сам, его мать и сестра – бессердечные психопаты. Но и на остальных, как говорится, «пробу негде ставить». Псевдо-рыцарь Данила ничего не сделал, чтобы защитить мать своих детей, потому что «очень уважал и боялся свою старую жену». Соседи, сослуживцы и знакомые Лели тоже ей сочувствовали, но ничего не предпринимали, хотя знали о сложившейся ситуации. Ну и сама Леля – зачем было выходить замуж за психически неуравновешенного и жестокого человека? Единственный фактор со знаком плюс, имевшийся у Никиты

– это наличие московской квартиры. Возможно, в этом и была причина скоропалительного замужества. И ладно бы Леле была безразлична ее собственная жизнь, но она ведь сознательно подвергала опасности двоих детей...

В «Конфетах с ликером» – происходит зашкаливание человеческих пороков и слабостей, которые вряд ли встретишь в таком сочетании и таком количестве в реальной жизни. Но при этом каждая отдельная деталь абсолютно реалистична. Каждый из нас может вспомнить подобные случаи из жизни: про споры родственников из-за квартиры, про мужчин, живущих на две семьи, про браки, заключенные по меркантильным соображениям...

Герои Петрушевской – чаще всего героини – самые обыкновенные малообеспеченные люди. На их долю выпали тяжелые испытания, которые они, сжав зубы, преодолевают. Она пишет о справедливости, которая должна восторжествовать, о победе над судьбой. Людмила Петрушевская – гениальная сказочница нашей эпохи. «Странствия по поводу смерти» нужно читать уже только потому, что это новая вещь Петрушевской. Но и потому, что Людмила Стефановна вместе с читателем как бы глядит в замочную скважину, за которой – жизнь как она есть, со всей ее ущербностью, неправильностью, с несчастными людьми и людьми очень плохими, с бытовыми убийствами и не бытовой любовью. Петрушевская пишет так правдиво, что от этой правды становится жутко. Но она всегда дарит надежду – и это главное.

Петрушевская пишет, как она выражается: «Все. Кроме доносов». Людмила Стефановна по-прежнему рассказывает о чужом горе как о своем и взывает к состраданию. И эти истории, как сказки – со счастливым концом. Кстати, у Петрушевской выходит еще одна книга «Про нашу прикольную жизнь. Сти-хи-хи», а скоро появится и следующая – «Никому не нужна. Свободна».

Произведения Л. Петрушевской

Время ночь : повесть. – Москва : Вагриус, 2001. – 174 с.

Два царства : рассказы, сказки. – Санкт-Петербург : Амфора, 2009. – 397 с.

Девятый том : сб. ст. – Москва : ЭКСМО, 2003. – 332 с.

Детский праздник : рассказы, сказки, стихи, пьеса. – Москва : Астрель, 2012. – 382 с.

Дикие животные сказки ; Морские помойные рассказы ; Пуськи Бятые. – Москва : ЭКСМО, 2003. – 293 с.

Измененное время : рассказы и пьесы. – Москва : Амфора, 2005. – 333 с.

Истории из моей собственной жизни : автобиогр. роман. – Санкт-Петербург : Амфора, 2009. – 540 с.

Настоящие сказки. – Москва : Вагриус, 2000. – 446 с.

Номер Один, или В садах других возможностей : роман. – Москва : ЭКСМО, 2004. – 334 с.

Парадоски : поэт. раздумья // Октябрь. – 2007. – № 1. – С. 2–12.

Путешествия в разные стороны : рассказы, эссе, фельетоны. – Санкт-Петербург : Амфора, 2009. – 350 с.

Реквиемы. – Москва : Вагриус, 2001. – 270 с.

Стихи // Звезда. – 2006. – № 1. – С. 69–72.

Странствия по поводу смерти. – Москва : Эксмо, 2017. – 320 с.

Тили-Бом, или Сказка о сказке // Иностран. лит. – 2006. – № 1. – С. 235–241.

Черная бабочка : рассказы, диалоги, пьеса, сказки. – Санкт-Петербург : Амфора, 2008. – 297 с.

Литература о творчестве Л. Петрушевской

Абелюк, Е. Рассказ Л. Петрушевской «Черное пальто» / Е. Абелюк // Литература : прил. к газ. «Первое сент.». – 2006. – № 14. – С. 32–38.

Богданова, П. Женская пьеса: «Три девушки в голубом» Л. Петрушевской / П. Богданова // Современ. драматургия. – 2013. – № 2. – С. 213–217.

Вяжелин, Е. Память моментам : о кн. Л. Петрушевской «Парадоски. Строчки разной длины» / Е. Вяжелин // Новый мир. – 2009. – № 7. – С. 178–181.

Журчева, Т. От «новой драмы» к «новой драме-2»: Л. Петрушевская / Т. Журчева // Современ. драматургия. – 2011. – № 1 – С. 212–216.

Катаев, Ф. Людмила Петрушевская в садах других возможностей : о романе «Номер Один, или В садах других возможностей» / Ф. Катаев // Вопросы лит. – 2012. – № 3. – С. 131–145.

Кац, Э. Новейшая проза: М. Москвина, М. Вишневецкая, Л. Улицкая, Т. Толстая / Э. Кац // Рус. словесность. – 2004. – № 7. – С. 39–43.

Качалина, Е. Цветы на сырой земле : о кн. Л. Петрушевской «Не садись в машину, где двое» / Е. Качалина // Октябрь. – 2012. – № 2. – С. 182–184.

Лебедушкина, О. Непридуманная речь : соврем. сказ / О. Лебедушкина // Дружба народов. – 2008. – № 9. – С. 193–203.

Лебедушкина, О. Про людей и нелюдей / О. Лебедушкина // Дружба народов. – 2006. – № 1. – С. 190–198.

Лебедушкина, О. Шехерезада жива, пока... : о новых сказочниках и сказках Л. Петрушевской / О. Лебедушкина // Дружба народов. – 2007. – № 3. – С. 199–211.

Носачева, С. Рассказ Л. Петрушевской «Глюк» : урок внеклас. чтения. VIII класс / С. Носачева // Лит. в shk. – 2006. – № 1. – С. 35–38.

Островская, В. Чтобы мир остался жив... : опыт прочтения рассказа Л. Петрушевской «Гигиена» / В. Островская // Лит. в shk. – 2010. – № 6. – С. 34–36.

Панн, Л. Запретная зона Людмилы Петрушевской : о кн. «Черная бабочка» / Л. Панн // Новый мир. – 2008. – № 12. – С. 177–181.

Пахомова, С. «Энциклопедия некультурности» Людмилы Петрушевской / С. Пахомова // Звезда. – 2005. – № 9. – С. 206–212.

Пигасова, Г. Кривая семья. Урок по повести Л. Петрушевской «Время ночь» / Г. Пигасова // Лит. в shk. – 2012. – № 1. – С. 29–31.

Прохорова, Т. Дочки-матери Петрушевской : о пьесе «БИФЕМ» / Т. Прохорова // Октябрь. – 2008. – № 4. – С. 180–185.

Прохорова, Т. Как сделан первый роман Людмилы Петрушевской / Т. Прохорова // Вопр. лит. – 2008. – № 1. – С. 249–264.

Прохорова, Т. Мистическая реальность в прозе Л. Петрушевской / Т. Прохорова // Рус. словесность. – 2007. – № 7. – С. 29–34.

Прохорова, Т. Расширение возможностей как авторская стратегия писателя Людмилы Петрушевской / Т. Прохорова // Вопр. лит. – 2009. – № 3. – С. 149–164.

Пустовая, В. Свято и тать / В. Пустовая // Новый мир. – 2009. – № 3. – С. 149–168.

Ремизова, М. Девяносто пять процентов : о прозе Л. Петрушевской / М. Ремизова // Октябрь. – 2007. – № 9. – С. 171–174.

Сафронова, Л. Поэтика литературного сериала и проблема автора и героя : (на материале сериалов «Дикие животные сказки» и «Пуськи бятые» Л. С. Петрушевской) / Л. Сафронова // Рус. лит. – 2006. – № 2. – С. 55–65.

Токарчук, И. Частицы в пространстве текста : (на материале рассказов и повестей Л. Петрушевской) / И. Токарчук // Рус. яз. в шк. – 2012. – № 3. – С. 55–58.

Урицкий, А. Человеческие приключения : проза Л. Петрушевской / А. Урицкий // Дружба народов. – 2005. – № 7. – С. 208–212.

Федотова, Т. Сказки Людмилы Петрушевской / Т. Федотова // Дошк. воспитание. – 2013. – № 5. – С. 50–57.

Филиппова, Е. Тема телесной «дематериализации» в волшебных рассказах Людмилы Петрушевской / Е. Филиппова // Филол. науки. – 2013. – № 9. – С. 197–200.

Черкашина, С. Христианские мотивы в новелле Л. Петрушевской «Просиял» / С. Черкашина // Рус. словесность. – 2010. – № 3. – С. 45–47.

Рубина Дина

Дина Рубина – автор романов и повестей «Почерк Леонардо», «Синдром Петрушки», «Синдикат», «Белая голубка Кордовы», «Любка», «На Верхней Масловке» – один из самых читаемых современных прозаиков. Книги Дины Рубиной потрясают замысловатыми хитросплетениями сюжета, удивительными судьбами героев, богатейшим, многоцветным языком, который завораживает и не позволяет оторваться от чтения, от первого слова и до финальной фразы... Новые книги Дины Рубиной – роман **«Русская канарейка»** и повесть **«Бабий ветер»**.

В центре повествования **«Бабьего ветра»** – этой подчас шокирующей, резкой и болевой книги – Женщина. Героиня, в юности – парашютистка и пилот воздушного шара, пережив личную трагедию, вынуждена заняться совсем иным делом в другой стране, можно сказать, в зазеркалье: она косметолог, живет и работает в Нью-Йорке. Целая вереница странных персонажей проходит перед ее глазами. По роду своей нынешней профессии героиня сталкивается с фантастическими, на сегодняшний день почти обыденными «гендерными перевертышами», с обескураживающими, а то и отталкивающими

картинками жизни общества. И, как ни странно, из этой гирлянды, по выражению героини, «калек» вырастает гротесковый, трагический, ничтожный и высокий образ современной любви. «Бабий ветер» – совершенно новая – во всех смыслах – книга. В ней впервые не звучит голоса автора. Вся повесть – это письма героини некой писательнице, которую мы так никогда не услышим. И до определенного момента даже не узнаем, сделала ли она что-нибудь из того материала, который отправляет ей героиня, или нет. Дело в том, что героиня «Бабьего ветра» Галина – косметолог. Она эмигрировала в Америку, живет там уже четверть века, имеет свою клиентуру и, собственно, в письмах она делится подробностями своей работы с писательницей, с которой ее познакомила приятельница. Галина пишет ответы на вполне конкретные вопросы о тонкостях профессии, попутно рассказывая истории о своих клиентах и неизбежно отвлекаясь на собственные воспоминания. И из этих фрагментов постепенно складывается ее личная история.

«Бабий ветер», как говорит сама героиня, повесть «ниже пояса и выше облаков». Это и откровенный разговор о болезненных проблемах вроде смены пола или женского обрезания, и смелые суждения об устройстве западного общества и жизни в эмиграции, и ностальгические зарисовки о советских парикмахерских, коммуналках и рынках, и рвущие душу полеты на воздушном шаре, и лебединая верность, и тоска по любви... Вообще эта книга – гимн Женщине с большой буквы. Одинокой, по сути, с самого рождения, терпеливо несущей свой крест и умеющей практически все.. Галина пытается найти свое место. Свою нужность. Хоть кому-нибудь. Тема эмиграции всегда печальна, но здесь Рубина виртуозно исполняет жалобное соло потерянности и бесприютности.

Перед нами жизнь, протянутая между киевско-советской коммуналкой и салоном красоты в Нью-Йорке, между которыми лежат полеты во сне и наяву. Ну да, парашюты и воздушные шары в повествовании играют не последнюю роль. Монолог женщины-эмигрантки, знавшей радости и горести. Исповедальная проза. Вот что такое «Бабий ветер» Дины Рубиной. Но не только это. Тут и окрашенные в ностальгические тона (хотя и с пониманием, что в реальности все было жестко и бедно) воспоминания о советском детстве. И неприкрашенные картинки из озабоченной политкорректностью и лицемерным пуританством современной Америки. И целая череда персонажей – сквозных, второстепенных и совсем уж эпизодических, ко-

торые и формируют, в общем-то, нашу жизнь. А еще здесь можно без особого труда отыскать элементы «кулинарной прозы» – обязательно прочитайте страницы, посвященные искусству приготовления холодца. «У нас говорили – «холодное. Это самое красивое закусочное блюдо... Да, холодное – закусон номер один; оргиастический акт любви и счастья». И конечно, любовь. Любовь в различных ее проявлениях.

В этом «барахле воспоминаний», сборнике мастерски упакованных баек из жизни, как ни высокопарно звучит, возможно, и есть сама жизнь. Быстро пролетающая, ускользающая между пальцев, оставляющая в душе шрамы и боль. Балансирующая между послевоенным СССР и нынешней Америкой. Не случайно где-то на страницах было брошено вот это: «вечная ревизия, сладостный переучет жизни». Небольшая по объему повесть у Дины Рубиной вышла многогранной и объемной, балансирующей на грани трогательности и цинизма. Да, цинизма! А куда без него при таком роде занятий – делать эпиляцию под «бразильское бикини»? «Не представляю, кого могут заинтересовать подробности моей окаянной профессии, со всеми ее диковатыми процедурами и пикантными, мягко говоря, картинками. Иногда на вопрос собеседника о моей специальности я – если хохмить охота – отвечаю: «Не подумайте плохого, я работаю в органах»». И конечно, никуда не деться от иронии и самоиронии. И от осознания: рассказанное уже много раз описано писателями – и коммуналка, и Америка, и все-все-все. Набор историй в мировой литературе, как заметил классик, конечен и ограничен. Но у каждого из нас своя история... Ну, что такое «бабий ветер»? А вот что: «Это сухой приятный ветерок на Камчатке; на нем бабы сушат белье... Осенью и ранней весной задувают штормовые ветра. Простынку-то они высушат быстро, но заодно и унесут с собой. А веселый такой, слегка морозный ветерок редко случается, в месяц – считанные дни. Вот хозяйки и ждут его, как манны небесной... И шары запускать можно под этот благодостный нежный ветер, ласковый, трудолюбивый... истинно – бабский».

«Русская канарейка» – семейная сага в трех томах, многословное, неспешное, изобильное, как праздничный стол повествование, Алма-Ата и Одесса с вкраплениями Праги, Вены и так далее по карте мира. Классическая семейная сага поделена на три сюжетные линии. Одна начинается в середине 20-го века в Алма-Ате, вторая на рубеже веков в Одессе, третья – в Европах в наши дни.

«Желтухин» – первая книга трилогии Дины Рубиной красочной, бурной и многоликой семейной саги... Кипучее, неизбежно музыкальное одесское семейство Этингеров и алма-атинская семья скрытных, молчаливых странников... На протяжении столетия их связывает только тоненькая ниточка птичьего рода – блистательный маэстро кенарь Желтухин и его потомки. На исходе XX века сумбурная история оседает горькими и сладкими воспоминаниями, а на свет рождаются новые люди, в том числе «последний по времени Этингер», которому уготована поразительная, а временами и подозрительная судьба. Эта книга как знакомство. Ведь чтобы узнать главных героев, необходимо знать их предков, кем они были и что из себя представляют. Действие происходит в Одессе, Казахстане, немало под Москвой и в Сибири, и даже в Израиле!

«Голос» – вторая книга трилогии «Русская канарейка», семейной саги о «двух потомках одной канарейки, которые встретились вопреки всем вероятностям». Леон Этингер – обладатель удивительного голоса и многих иных талантов, последний отпрыск одесского семейства с весьма извилистой и бурной историей. Прежний голосистый мальчик становится оперативником одной из серьезных спецслужб, обзаводится странной кличкой «Кенар руси» («Русская канарейка»), и со временем – звездой оперной сцены. Но поскольку антитеррористическое подразделение разведки не хочет отпустить бывшего сотрудника, Леон вынужден сочетать карьеру контрактенора с тайной и очень опасной «охотой». Эта охота приводит его в Таиланд, где он обнаруживает ответы на некоторые важные вопросы и встречает странную глухую бродяжку с фотокамерой в руках.

В центре «Голоса» действительно голос – невероятно редкий контрактенор, голос, ради которого в эпоху барокко мальчиков подвешивали к кастрации. Но с нашим-то героем все в порядке – это природа так щедро его одарила. Итак, Леон Этингер, приглашенный солист лучших оперных театров мира, осыпанный славой, счастливо нашедший себя в музыке и живущий ею, легко переносящийся из столицы в столицу ради одного концерта. И если в первом романе много канареечного пения, то здесь со страниц буквально звучит классическая музыка, звучит в наушниках Леона, только что переехавшего в Израиль из Одессы, звучит дома у друзей, просто, буднично, обыденно, как будто можно вот так взять и запеть перед ужином «Каватину Нормы» из знаменитой оперы. Впрочем, нет, это Леону ничего не стоит вот так запросто всех поразить, зрители же неизменно бывают ошеломлены.

Голос Леона – и счастье его, и прикрытие, а потому и проклятие, ибо он – «Кенар руси», агент особого спецподразделения израильской разведки, владеющий многими специфическими навыками, в том числе с детства умеющий перевоплощаться до неузнаваемости, провернувший не одну исключительно опасную операцию. Как таким образом повернулась судьба бывшего одесского мальчишки, «последнего из дома Этингера», а потом полуголодного израильского школьника, моющего лестницу в подъезде как плату за жилье – как раз об этом роман. Здесь пересекутся и две главные линии «Желтухина», связанные канареечной ниточкой, линии Одессы и Алма-Аты, линии Этингеров и странного семейства, вырастившего глухую и талантливую девочку Айю. И пересекутся так, что и сами герои не могут в это поверить.

Леон и Айя вместе отправляются в лихорадочное странствие – то ли побег, то ли преследование – через всю Европу, от Лондона до Портофино. И, как во всяком подлинном странствии, путь приведет их к трагедии, но и к счастью; к отчаянию, но и к надежде. Исход всякой «охоты» предопределен: рано или поздно неумолимый охотник настигает жертву. Но и судьба сладкоголосой канарейки на Востоке неизменно предопределена. **«Блудный сын»** – третья, и заключительная, книга, полифоническая кульминация романа Дины Рубиной, грандиозной саги о любви и о Музыке.

Сюжет произведения «Блудного сына» полон неожиданностей. В центре повествования – последний потомок известного одесского рода Леон Этингер и глухая девушка-фотограф по имени Айя. Эта странная пара даже не представляет, что более столетия их жизни связывает потрясающий маэстро Желтухин и его голосистое потомство. Их длительное путешествие – это дорога к трагедии. Первая часть серии напоминала уютную семейную сагу, а вторая – классический детективный роман. Книгу «Блудный сын» скорее можно назвать триллером. Третья заключительная часть канареечной серии в сравнении с предыдущими конечно выглядит и более приключенческой, и более романтично-любовной. Однако помимо чисто событийно-приключенческо-романтических ходов и линий автор не забывает о генеральной идее всей трилогии – библейско-евангельской притче о возвращении блудного сына.

История двух семейств завершается неожиданной развязкой, предугадать которую не сможет даже самый проникательный читатель. Это и делает роман Дины Рубиной настолько ярким и незабы-

ваемым. Сложное переплетение сюжетных линий напоминает изысканный восточный рисунок, образы героев прописаны лаконично, но в то же время ярко и объемно. Порою кажется, что герои у Рубиной несколько «слишком» – слишком много в них особенностей, странностей, слишком много всего происходит, с лихвой бы хватило на несколько персонажей. Но нет, в них веришь, к ним не только при-выкаешь, к ним прикипаешь душой, они становятся родными.

Произведения Д. Рубиной

- Бабий ветер : повесть. – Москва : ЭКСМО, 2017. – 320 с.
- Белая голубка Кордовы : роман. – Москва : ЭКСМО, 2010. – 537 с.
- Больно только когда смеюь : роман. – Москва : ЭКСМО, 2011. – 334 с.
- В России надо жить долго... : роман, повесть, рассказы, эссе. – Москва : ЭКСМО, 2007. – 606 с.
- Вид из окна съемной квартиры : повести. – Москва : ЭКСМО, 2008. – 414 с.
- Гладь озера в пасмурной мгле : роман, повести, рассказы. – Москва : ЭКСМО, 2007. – 669 с.
- Двойная фамилия : повести, рассказы. – Москва : ЭКСМО, 2011. – 395 с.
- Душегубица : рассказ // Нева. – 2007. – № 9. – С. 8–21.
- Иерусалимский синдром : рассказы. – Москва : ЭКСМО, 2008. – 430 с.
- Любка : рассказы. – Москва : ЭКСМО, 2011. – 428 с.
- Медная шкатулка : рассказы. – Москва : ЭКСМО, 2015. – 413 с.
- Несколько торопливых слов любви. – Санкт-Петербург : Ретро, 2003. – 301 с.
- О любви. – Москва : ЭКСМО, 2011. – 315 с.
- Окна : роман. – Москва : ЭКСМО, 2012. – 273 с.
- Почерк Леонардо : роман. – Москва : ЭКСМО, 2008. – 458 с.
- Русская канарейка. Кн.1. Желтухин. – Москва : ЭКСМО, 2015. – 475 с.
- Русская канарейка. Кн. 2. Голос. – Москва : ЭКСМО, 2015. – 506 с.
- Русская канарейка. Кн. 3. Блудный сын. – Москва : ЭКСМО, 2015. – 444 с.
- Ручная кладь. – Москва : ЭКСМО, 2008. – 315 с.
- Синдикат : роман-комикс. – Москва : ЭКСМО, 2008. – 539 с.
- Синдром Петрушки : роман. – Москва : ЭКСМО, 2010. – 427 с.
- Три новеллы // Знамя. – 2005. – № 6. – С. 82–120.
- Фарфоровые затеи // Дружба народов. – 2006. – № 7. – С. 104–117.
- Холодная весна в Провансе. – Москва : ЭКСМО, 2011. – 332 с.
- Цель скитаний // Дружба народов. – 2005. – № 7. – С. 68–116.

Чужие подъезды : повести, новеллы, рассказы. – Москва : ЭКСМО, 2008. – 414 с.

Школа беглости пальцев : повести, рассказы. – Москва : ЭКСМО, 2008. – 395 с.

Я и ты под персиковыми облаками... : рассказы. – Москва : ЭКСМО, 2008. – 430 с.

Литература о творчестве Д. Рубиной

Александров, Н. Каждый хочет немного побыть Богом : о романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки» / Н. Александров // Известия. – 2011. – 18 янв. – С. 8.

Баядина, Е. О книге Д. Рубиной «Больно только когда смеюсь» / Е. Баядина // Кн. обозрение. – 2008. – № 45. – С. 5.

Гомберг, Л. В бездонных водах времени : о повести Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» / Л. Гомберг // Знамя. – 2007. – № 3. – С. 208–211.

Гомберг, Л. Комикс в эпоху террора : о кн. Д. Рубиной «Синдикат» / Л. Гомберг // Знамя. – 2005. – № 4. – С. 202–213.

Гомберг, Л. Утраченный удел Саккариаса Кордовина : о романе Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы» / Л. Гомберг // Дружба народов. – 2010. – № 6. – С. 208–212.

Гром, А. Писатель – всегда волшебник : о кн. Д. Рубиной «Окна» / А. Гром // Кн. обозрение. – 2012. – № 5. – С. 3.

Егорова, Л. «Не жалко той судьбы далекой...» : урок внеклас. чтения по рассказу Дины Рубиной «Любка» / Л. Егорова // Уроки лит. : прил. к журн. «Лит. в шк.». – 2015. – № 1. – С. 11–14.

Калинина, Ю. Имена героев в рассказе Д. Рубиной «Терновник» / Ю. Калинина // Рус. речь. – 2011. – № 1. – С. 46–48.

Крутиков, М. Опыт российской еврейской эмиграции и его отражение в прозе 90-х годов в творчестве В. Аксенова, Л. Улицкой, Д. Рубиной, О. Бешенковской / М. Крутиков // Диаспора. – 2000. – № 3. – С. 212–234.

Луценко, Е. Лопнувший формат : о творчестве Дины Рубиной / Е. Луценко // Вопр. лит. – 2009. – № 6. – С. 100–112.

Маркова, Д. В третьей хижине: вопрос формата прозы Д. Рубиной / Д. Маркова // Знамя. – 2011. – № 4. – С. 197–203.

Муратханов, В. Диктанты памяти : о лауреатах премии «Большая книга – 2007» Д. Рубиной и Л. Улицкой / В. Муратханов // Октябрь. – 2008. – № 2. – С. 177–179.

Павлов, Ю. Дина Рубина: портрет на фоне русскоязычных писателей и Франца Кафки / Ю. Павлов // Наш современник. – 2008. – № 11. – С. 271–280.

Пустовойт, С. О книге Д. Рубиной «Синдром Петрушки» / С. Пустовойт // Собеседник. – 2010. – № 42. – С. 28.

Сохарева, Т. Бедная кукла Лиза : о романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки» / Т. Сохарева // Кн. обозрение. – 2010. – № 27. – С. 9.

Цай М. Концепция таланта в художественной системе Дины Рубиной / М. Цай // Рус. словесность. – 2009. – № 4. – С. 48–51.

Толстая Татьяна

Татьяна Толстая – известнейшая российская писательница, популярный публицист и яркая телеведущая «Школы злословия», автор романа «Кысь» (премия «Триумф»), сборников рассказов «Любишь – не любишь», «Река Оккервиль», «День», «Ночь», «Изюм», «Круг», «Белые стены».

Для произведений Татьяны Толстой характерна постановка проблем, касающихся общечеловеческих вопросов бытия, «вечных» тем добра и зла, жизни и смерти, выбора пути, взаимоотношений с окружающими людьми, осознания себя и своего предназначения. Персонажи Татьяны Толстой являются чаще всего мечтателями, зависающими между реальностью и миром своих несбыточных грез. Авторская позиция Татьяны Толстой проявляется в выборе героев-рассказчиков и парадоксальности точек зрения на мир. В ее произведениях часто в сатирическом свете демонстрируется абсурдность многих сторон жизни.

В новые книги Татьяны Толстой «**Легкие миры**» и «**Девушка в цвету**» вошли новые повести, рассказы и эссе, написанные в последние годы. Почти десять лет, с 1990-го по 1999-й годы, Татьяна Ильинична жила в США. В это время перед многими людьми в нашей стране остро стояла проблема заработка, проблема более менее достойного существования. Творческих людей эта озабоченность

коснулась не в последнюю очередь. Для Татьяны Толстой решение вопроса очень во многом определялось фактом рождения: фамилия Толстая являлась своего рода брэндом, для Запада уж точно. Об этом периоде своей жизни она и написала в книге «Легкие миры».

В «Легких мирах» есть все, что характерно для этой замечательной писательницы: незаурядный юмор, незлая ирония, герои, с которыми вы, как будто, уже знакомы, но вдруг увидели их с другой стороны, неожиданный взгляд на житейские мелочи и мудрость принятия жизни во всей ее полноте и непредсказуемости.

Повесть «Легкие миры», давшая название сборнику, под стать своему названию, читается легко и непринужденно. Главная героиня – Татьяна – эмигрировала из Советского Союза в Америку, где пытается начать новую жизнь вдали от Родины. Единственное, на что хватает ее денег, – это старый, полуразрушенный дом, в котором до Татьяны жила чернокожая семейная пара. От хозяйки Норы Татьяне достался удивительный сад, всю красоту которого можно было оценить весной. Этот сад служил для нынешней хозяйки выходом в «легкие миры». Именно там, в этих мирах, в ее саду, живет счастье. «Легкие миры» – книга почти автобиографическая. Татьяна Толстая впервые пишет от первого лица и приглашает читателя понаблюдать за теми или иными моментами ее жизни, познакомиться с ее впечатлениями от мест, людей, событий. Героиня покупает дом своей мечты и начинает обживать его – реставрировать, достраивать, приводить в порядок. В итоге обстоятельства складываются так, что с домом ей приходится расстаться, однако на протяжении всего повествования у читателя сохраняется ощущение, что дом и главная героиня – единое целое. Легкие миры в повести – это погружение в миры творчества. Но в чужой стране оказалось гораздо больше быта и будничной реальности: покупка старого дома в Принстоне, ремонт этого дома, преподавание в колледже, расположенном за много километров от места проживания. Работа не приносила радости, так как юные студенты оказались, по большей части, совсем далеки от литературы. Еще пришлось пережить развал семьи и много другого. Правда, случались и приятные открытия. Например, при ремонте дома и сооружении веранды не пришлось столкнуться ни с очередями в муниципалитете, ни с необходимостью дать взятку, ни с пьянством строителей, также обошлось без советов пригласить попа и кота: «Поп – чтобы освятил, кот – чтобы взял на себя нехорошие энергии».

Литературно «Легкие миры» – это все та же Толстая с неторопливой, напевной манерой повествования, безусловно грамотным языком, лаконичной образностью. Тем, кто знаком с ее предыдущими работами и любит их, сборник обязательно понравится – автор демонстрирует свой литературный талант во всей его мощи. Более того, за прошедшие с момента последних публикаций годы Татьяна Толстая стала более зрелой, сдержанной, и ее проза от этого только выиграла.

О своей семье, квартире в знаменитом ленинградском доме на набережной реки Карповки Татьяна Толстая вспоминает в рассказе «На малом огне». В свое время квартира предназначалась самому С. М. Кирову, первому секретарю Ленинградского обкома ЦК ВКП(б), но получить ее он не успел, был застрелен. Семья Никиты Толстого получила квартиру в 1951 году по причине многодетности, в этот год она пополнилась седьмым ребенком. Если читать книгу рассказ за рассказом, то выясняется, что все они связаны с жизнью автора. Конечно, Татьяна Никитична не ставила целью излагать подробно свою биографию, раскрывать тайны личной жизни, это уж точно не ее. «Легкие миры» настоящий калейдоскоп жизненных сюжетов. Здесь и рассказы о походе на московский рынок за продуктами для новогоднего стола или в американский магазин за сыром, Толстая любит французские полужидкие сыры, «чтобы запах отпугивал некрепким духом». Или рассказы о покупке немислимо дорогой сумочки или красивойшей кофточки, не выдержавшей первой стирки, рассуждение о вреде рекламы, или вдруг об уменьшительных суффиксах в русском языке и отношении к ним автора книги.

Рассказ «Желтые цветы» начинается с признания автора в острой нелюбви к салату «Мимоза». Эта мимоза возвращает в годы тотального дефицита, когда все надо было «доставать», а «мимоза» очень всех устраивала универсальностью приготовления. Но 70-е годы, когда к любому застолью эту «мимозу» готовили, приводят к воспоминаниям и о писателе Юрии Трифонове, в творчестве которого эти годы ярко отразились, например, в повести «Обмен». Тут же Татьяна Толстая вспоминает театр на Таганке, режиссера Юрия Любимова, который поставил прекрасный спектакль по повести «Обмен». Вот какие ассоциации может вызвать у автора какой-то салат.

Прекрасна и печальна история художника из рассказа «Юдифь с мечом». Семья этого художника по копейкам собирала деньги на мебель, хотели купить достойную, может быть, даже антикварную. Собрали, и художник поехал в Москву на поиски, в одном из магази-

нов увидел «белую, мраморную, в человеческий рост Юдифь с мечом и пропал». Отдал за нее все деньги и привез к себе в Рязань, жена этого удара не выдержала и вместе с детьми от него ушла, а он остался со своей любовью, т.е. с мраморной Юдифью.

Рассказов в книге «Легкие миры» несколько десятков, некоторые больше похожи на зарисовки. Эти зарисовки отражают время, в котором мы живем сегодня. Как, например, рассказ «С народом» о протестном белоленточном шествии, связанном с выборами в Государственную Думу в декабре 2011 года. Вполне прочитывается ироничное отношение автора к этому движению. Татьяна Ильинична вообще человек ироничный, с большим чувством юмора, частенько не очень добрым.

Собственно, вся книга о магии и мании тонких «легких миров» (к которым относятся искусство и творчество, любовь и семья, и всегда невыразимость жизни). К ним, к мирам этим тонким и легким, продираешься сквозь тяжкие заносы низкой жизни, впрочем, по ходу порой любуясь и фигуристыми этими заносами.

Американские впечатления и размышления о нынешнем нашем дне чередуются с воспоминаниями о детстве, о родительском доме, где семеро по лавкам (в буквальном смысле: у Толстой шесть братьев и сестер, даже семь было...), о двух разных семьях: Толстых и Лозинских, о времени, когда дворян Толстых и Лозинских чудом из Ленинграда не выслали, о бабушке, которая тайком кормила 37 семей родных и близких, что таки были выслааны... «Легкие миры» – повесть о глубоких корнях и о том, почему не удалось кроне зацепиться за яркое американское облако. Или же удалось отчасти: сын Татьяны Толстой там живет.

Пестрый этот набор объединен одним. Толстую волнует диковатая прелесть (прелесть – и в значении «манкость», и в значении «обаяние») русской жизни и русского национального характера. Автор чувствует себя частью всей этой прелести, ее носительницей и активной (хотя и подневольной порой) участницей. Итак, с нами делятся личным опытом – и что может быть интереснее опыта сильной, неординарной личности? «Легкие миры» Татьяны Толстой – книга-оракул. На любой вопрос в ней есть готовый ответ. Чем важны родственные связи, почему салат «Мимоза» – символ совка, в чем политические и ментальные отличия России и Америки и даже куда деваются носки из стиральной машины. А еще – «Что делать»? «Легкие миры» – проза злая и острая, как сама Татьяна Толстая. До-

стается всем: американцам за их кулинарное бессилие, русским – за умение все усложнять. Эпохам, продуктам, случайным людям, коллегам-писателям. Бессменная ведущая «Школы Злословия» ни капельки не изменилась: многим не нравится ее манера выставлять дураками всех и вся, но даже злопыхатели признают: делает она это неимоверно талантливо, не оторваться.

Татьяна Толстая начала писать, как она сама рассказывает, после операции на глазах. Она сделала операцию по исправлению зрения в советские времена, когда реабилитация занимала несколько месяцев: нельзя было читать и в целом напрягать зрение. И в период этого визуального затишья в голове автора стали появляться сюжеты рассказов. Когда Толстая снова начала видеть, то села и написала свой первый рассказ. Ее проза с тех пор несет на себе отпечаток «обретения зрения»: «Когда жил и не видел, а потом толчок и – вот они, те самые легкие миры, разлиты повсюду, всегда здесь были, ты их знал, да только забыл, видеть перестал, не туда взгляд устремил, мороки одолели, в болота завели, сидишь теперь там, задыхаешься. И, кажется, что пройти в них очень сложно. А на деле ведь проще некуда, надо только по сторонам посмотреть как следует и настоящее в этом во всем увидеть».

О себе, о жизни, о творчестве книга Татьяны Толстой **«Девушка в цвету»**. Эта книга состоит не только и не столько из рассказов, в ней и эссе, и литературные зарисовки и литературоведческие размышления. В этом главное структурное и жанровое отличие новой книги от сборника «Легкие миры». Но существует и нечто общее: Татьяна Толстая снова знакомит читателя с историями, сюжетами своей жизни. Почему и не рассказать, если ее биография насыщена интересными событиями, впечатлениями от знакомства с незаурядными творческими людьми, с зарубежными странами. Надо сказать, эпизоды из собственной жизни получаются у Татьяны Никитичны лучше всего.

Начинается сборник интригующе и ярко. Летний Ленинград, июньски светлый, цветущий. Коты и ундины над парадными словно оживают при помощи волшебства, а адмиралтейская игла блестит так же, как и двести лет назад. И в центре этого великолепия – девушка с толстой сумкой, решившая подработать разносчицей телеграмм. Юношеская непосредственность и любознательность еще не покинули героиню: ее удивляют необычные дверные звонки, а в каждом кратком послании хочется прочесть чью-то жизнь.

И в соответствии с текстом телеграммы изображать на лице приличествующее выражение: радость или скорбь, то есть выступать в роли психолога.

Мы не спеша идем за девушкой в цвету по страницам и не сразу замечаем, что волшебный Ленинград уступил место событиям обыденным, но не менее интересным. Главная героиня наблюдательная, умная, ироничная, местами язвительная (куда ж без этого!), но, безусловно, привлекательная. Она может легко поделиться наивной детской мечтой: «Мне так хотелось закутаться во все шали и намотать себе на голову тюрбаны из всех шарфов, а из тех, что останутся, сшить себе восточные шаровары или, на худой конец, цыганские юбки»; серьезно анализировать сон и рассказать о доставке телеграммы как о приключении.

Больше всего девушке в цвету нравится литература. Это не безотчетный восторг перед любой книгой, а осознанная любовь к тронувшим сердце произведениям, пусть с долей здоровой критики и юмора. Посмеяться над героями любовной китайской повести, которая пришлась по душе? Легко! А на следующей странице уже по крупицам разбирается «Дама с собачкой» и романы любимого Александра Гениса.

Темы, поднимающиеся в сборнике, актуальны всегда: красота, искусство, жизнь в чужой стране. Но благодаря автору, читать о них в сто первый раз вовсе не скучно: она весело описывает свое удивление во французском магазине сыров, легко ввязывается в извечный спор о том, что лучше – кино или книги, категорично заявляет, что «о вкусах спорят». Стоит ли читать книгу? Безусловно. Хороший и богатый язык, который не портит даже грубовато-экспрессивная лексика, интересные мысли автора, ирония и самоирония не позволяют оторвать взгляд от страниц.

От рассказа к рассказу об этой девушке в цвету мы узнаем все больше и больше. Например, о ее семье, родословная у Толстой выдающаяся. Дед по материнской линии – Михаил Леонидович Лозинский, литературный переводчик, поэт. Дед по отцовской линии – Алексей Николаевич Толстой, писатель. Бабушка по отцовской линии – Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая, поэтесса. Отец – Никита Алексеевич Толстой, физик, общественный и политический деятель. Мать – Наталья Михайловна Лозинская. В семье было семеро детей: пять девочек и двое мальчиков. Отец и мать свободно говорили на трех языках и приучали к знанию языков детей. Об атмосфере

ре в семье, для которой чтение было одной из высших ценностей, о богатейшей домашней библиотеке, о постижении русской и зарубежной литературы с любовью повествуется автором в рассказе «Переводные картинки». Благодаря огромной домашней библиотеке дети семьи Толстых шаг за шагом постигали мировую литературу. На основании этого рассказа Толстой читатель вполне может составить для себя список чтения.

Несколько страниц рассказа посвящено деду по материнской линии Михаилу Леонидовичу Лозинскому. Он был великим переводчиком, свободно владел шестью языками. В великолепном переводе Лозинского мы читаем «Божественную комедию» Данте, «Дон Кихота» Сервантеса, Шекспира, Гете и другие шедевры мировой литературы. Толстая пишет: «Он работал всегда, весь день, несмотря на адские головные боли, мучавшие его много лет, а в перерывах, для отдыха, как вспоминают старшие, читал письма Флобера, – естественно, по-французски. Вот такие титаны жили на земле...». Толстая вспоминает, что она, как и ее сестры и братья, не горела желанием изучать языки. Но отец придумал, как заинтересовать детей: уж детективы-то прочтут. И они читали Агату Кристи во французском варианте, и в английском переводе. Как же это знание языков пригодилось Татьяне во взрослой жизни.

В сборнике «Легкие миры» американскому периоду своей жизни она посвятила большой рассказ. В «Девушке в цветку» Америка тоже присутствует, но совсем по другому поводу – в рассказе «Макдональдс». Толстая пишет: «В Макдональдсе» я была дважды. С тех пор я дала себе клятву и зарок: никогда, никогда не преступать порога этой забегаловки, кроме как по жизненным показаниям». Клятву пришлось нарушить, виной тому оказался разваливающийся автомобиль, на котором автор рассказа ездила в американский колледж. Окончательная его гибель случилась в последний день учебного цикла, и на этой развалине предстояло доползти до дома, который находился за 250 миль (400 км) от колледжа. На улице – минус 25 градусов. Эта поездка могла драматически окончиться, если бы не спасительный Макдональдс, периодически возникающий по пути следования. Это заведение буквально спасло автора рассказа и ее автомобиль от замерзания на пути к дому.

Упоминание Макдональдса логически подводит к двум зарисовкам книги, посвященным еде. Первая – «Супчик». «Три основных свойства, три черты характера определяют мою жизнь: глупость,

жадность и тщеславие. Есть, безусловно, и другие, но они такого мощного влияния не оказывают. Эти же оказывают, а объединившись вместе – тем более. Например. Находясь в городе Питере, сварила я себе тыквенный супчик нечеловеческой вкусноты. Нечеловеческой. (Тщеславие). Но сварила я его к вечеру, а наутро мне уже надо было уезжать в Москву на поезде-сапсане. (Глупость). И мне стало жалко супчика, и затраченных на него трудов, и затраченных продуктов. (Жадность). Так что я взяла большую хорошую пластмассовую банку с завинчивающейся крышкой, специально для такого рода продуктов приспособленную, наполнила ее тыквенным моим прекрасным супчиком и уложила ее в чемоданчик. (Объединение ведущих жизненных качеств)». Создательница супа села в Сапсан, и вот там-то кулинарный шедевр дал течь, по каплям суп истекал на экран ноутбука соседа. Сосед, весьма солидный человек, смотрел мультики и методично и спокойно оттирал капли с экрана. Свои личные качества автор зарисовки определила как тщеславие, глупость и жадность. Качества соседа по ее шкале – незлобивость, смирение и тупоумие.

Вторая «продуктовая» зарисовка – «Купить молока». Покупка разливного натурального молока положила начало приготовлению сначала крема, затем эклеров. Для их выпечки пришлось идти в магазин, покупать яйца. Автор зарисовки эклеры не ест, пришлось вызывать внучку. Внучка тоже сладкое не ест, а ест мясо и овощи. Организовался, таким образом, поход на рынок. Кто-то все-таки должен был съесть эклеры, для чего вызвали племянника. Тот пришел худой, замученный – сессия. Тут автор, она же Толстая, приготовила целый обед: «супу наварила, чахохбили на скорую руку, сырников наваляла, салатов всяких овощных, живи у меня вон там, на диване, холодильник забит эклерами и завтра, видимо, напеку еще. Такая моя жизнь. А всего-то молочка купила». В процессе чтения так хочется попробовать эклеров Татьяны Никитичны, а заодно и чахохбили, и сырников. Несомненно, талантом кулинара она наделена и могла бы вслед за многими писательницами и актрисами выпустить свою поваренную книгу. Правда, мне думается, этим Толстая заниматься не станет, так между делом, среди прочего пробросит пару рецептов. Кулинарная книга – это не про нее.

От продуктовых фантазий автор переходит к пище духовной. Литературе и литераторам посвящен раздел книги, озаглавленный «Любовь и море». Так называется и первое эссе раздела, посвящен-

ное рассказу А.П. Чехова «Дама с собачкой». Главный предмет анализа автора эссе – душевное состояние главного героя Гурова. Встреча с Анной Сергеевной на курорте в Ялте воспринималась Гуровым вначале как любовная интрига, которая забудется по возвращении домой. Проходит месяц, другой и, к удивлению Гурова, женщина, встреченная на юге, не уходит из памяти. Он едет в провинциальный город, в котором живет Анна Сергеевна, они встречаются, и это уже не адюльтер, а подлинные чувства. Толстая обращает читателя к волшебству таланта Чехова: нет подробностей встреч героев, нет объяснения трансформации чувства Гурова: от равнодушия к влюбленности. А рассказ волнует читателя, возможно, более чем другие произведения Чехова. «Чехов двухслойный, трехслойный, не дающийся в руки, как отражение на воде».

Третий раздел книги озаглавлен «Сахар и пар». Эта часть книги посвящена размышлениям Толстой о живописи, кино, политике, психологии, всему понемногу. Эссе «Сахар и пар», давшее заглавие разделу, можно назвать гимном фильму Алексея Германа «Хрусталеv, машину!». Вообще, читая книги Татьяны Никитичны, можно сделать такой вывод: о второстепенных для нее вещах она пишет сухоvато, не очень интересно, но уж если ее что-то эмоционально задеvает и заряжает, тут включается Толстая – художник, мастер слова и получается замечательное произведение. Таким и получилось эссе «Сахар и пар», в котором передано восхищение режиссером Германом. Он ставит фильмы для мыслящего зрителя, фильмы, которые нужно разгадывать. Да, это требует интеллекта и немало, но для другого зрителя режиссер никогда не ставил фильмов, не изменял себе, с таким – своим пониманием кинематографа он и ушел от нас.

Весьма интересны размышления автора о художнике Казимире Малевиче и его картине «Черный квадрат», эссе так и называется «Квадрат». Те, кто до сих пор находится в сомнении, является ли «Черный квадрат» Малевича истинным произведением искусства – познакомьтесь с мнением Толстой.

В книге «Девушка в цвету» собраны воспоминания и размышления Татьяны Толстой. Легко и остроумно она пишет о своей юности, искусстве, о семье и интересных людях, о любви и литературе. Читая удивительные, порой очень личные истории, возникает ощущение, что это дневник писателя. Глубокая и одновременно трогательная книга, написана прекрасным, таким узнаваемым, красочным языком

мастера. В этой книге своя непередаваемая атмосфера молодости и взросления той девушки в цвету, которая стала известна нам по образу довольно циничной особы из «Школы злословия».

Произведения Т. Толстой

- Войлочный век : рассказы, эссе. – Москва : АСТ, 2015. – 350 с.
Девушка в цвету : сборник. – Москва : ЭКСМО, 2017. – 352 с.
День : личное : сборник. – Москва : ЭКСМО, 2003. – 414 с.
Изюм : избранное. – Москва : ЭКСМО, 2002. – 381 с.
Круг : рассказы. – Москва : ЭКСМО, 2003. – 345 с.
Кысь : роман. – Москва : ЭКСМО, 2008. – 413 с.
Легкие миры : повести, рассказы, эссе. – Москва : АСТ, 2015. – 477 с.
На золотом крыльце сидели... : сборник. – Москва : ЭКСМО, 2013. – 391 с.
Невидимая дева : сборник. – Москва : ЭКСМО, 2017. – 480 с.
Ночь : рассказы. – Москва : ЭКСМО, 2001. – 429 с.
Река Оккервиль : рассказы. – Москва : ЭКСМО, 2000. – 348 с.

Литература о творчестве Т. Толстой

- Бабенко, Н. Имя и образ Пушкина в зеркале современной литературы : Т. Толстая / Н. Бабенко // Рус. речь. – 2007. – № 3. – С. 25–33.
Бугославская, О. Путь к сердцу : творчество Т. Толстой / О. Бугославская // Знамя. – 2005. – № 4. – С. 219–222.
Бутенина, Е. Петербургский текст в современной русско-американской прозе : Т. Толстая / Е. Бутенина // Вопр. лит. – 2017. – № 3. – С. 289–301.
Володина, Н. Актуализация литературного произведения : Т. Толстая // Рус. словесность. – 2005. – № 5. – С. 76–80.
Генис, А. Как работает рассказ Толстой / А. Генис // Звезда. – 2009. – № 9. – С. 213–217.
Давлетова, А. Живописный портрет у современных авторов / А. Давлетова // Рус. речь. – 2007. – № 4. – С. 20–23.
Ен, Л. Рассказ Т. Толстой «Охота на мамонта» : метаморфозы персонажей и специфика контекста / Л. Ен // Рус. лит. – 2011. – № 3. – С. 206–213.
Кац, Э. Новейшая проза : М. Москвина, М. Вишневецкая, Л. Улицкая, Т. Толстая / Э. Кац // Рус. словесность. – 2004. – № 7. – С. 39–43.

Козина, Т. Знакомство с евангельскими мотивами при изучении рассказа Т. Н. Толстой «Соня» / Т. Козина // Рус. словесность. – 2010. – № 1. – С. 37–39.

Никитина, Е. Рассказ Т. Толстой «Соня» на фоне повествовательных традиций XIX века / Е. Никитина // Рус. словесность. – 2014. – № 5. – С. 72–75.

Осьмухина, О. Литература как прием : творч. портрет писательницы Татьяны Толстой / О. Осьмухина // Вопр. лит. – 2012. – № 1. – С. 41–53.

Панова, Г. Проблема нравственного выбора в современной литературе : на примере повести В. Токаревой «Я есть...» и рассказа Т. Толстой «Чистый лист» / Г. Панов // Лит. в шк. – 2017. – № 5. – С. 36–38.

Парамонов, Б. Пальто цвета земля : проза Т. Толстой / Б. Парамонов // Звезда. – 2010. – № 9. – С. 215–219.

Сурат, И. Иногда любовь : новая проза Татьяны Толстой / И. Сурат // Знамя. – 2014. – № 8. – С. 188–201.

Щербак-Жуков, А. Три истории о прошлом и будущем : проза Т. Толстой / А. Щербак-Жуков // Октябрь. – 2007. – № 1. – С. 185–189.

Улицкая Людмила

Людмила Улицкая, автор нашумевших «Казуса Кукоцкого», «Медои», «Сонечки», «Даниэля Штайна», «Зеленого шатра», написала свой, как она уверила, последний роман «Лестница Якова» и книгу о послевоенном детстве – «Детство сорок девять». По словам Л. Улицкой роман «Лестница Якова» написан не столько для преданных читателей, сколько для себя. Вот что она рассказала об истории его создания: «В 2011 году я открыла

довольно объемную папку, которая хранилась у меня дома давным-давно, с тех пор, как умерла моя бабушка. В ней я обнаружила их с дедом переписку, которая длилась много лет, начиная с 1911 года.

Деда моего несколько раз сажали, но они продолжали писать друг другу. Для меня их письма стали открытием. Прочитав их, я поняла, какой фантастической связью связаны люди внутри семьи.... Но найденные письма заставили меня снова взяться за эту невероятно тяжелую, просто непосильную работу. Но теперь уж точно – в последний раз».

«Лестница Якова» – роман-притча, роман-размышление, выполненный Улицкой в форме нелинейной семейной хроники. В книге, охватывающей более чем столетний период российской истории, с конца XIX века по 2011 год, описаны судьбы шести поколений семьи Осецких. Читателю предстоит погрузиться в текст, в котором причудливо переплетаются эпохи, культуры и мировоззрения. В центре романа – параллельно – развиваются судьбы двух главных героев: интеллектуала Якова Осецкого, «человека с неумемной тягой к знанию», и его внучки Норы Осецкой – театрального художника, личности эмоциональной, своевольной, «человека действия». Яков и Нора виделись лишь однажды, в середине пятидесятых, но для них та встреча стала не более чем проходным эпизодом. По-настоящему Нора узнала Якова и поняла, насколько глубока связь между ними, уже много десятилетий спустя, когда прочла его дневники, письма и телеграммы, и получив в архиве КГБ доступ к его личному делу. Действие романа начинается с момента, когда Нора, проводив в последний путь свою мать, забирает из ее квартиры единственное наследство – сундук с письмами – 25 летней перепиской Якова Осецкого с его женой.

Герой романа Яков Осецкий восхищался Рахманиновым и грезил о карьере музыканта, не подозревая, что ему предстоит сгинуть в сталинских лагерях. Его будущая жена Маруся бредила Айседорой Дункан, свободными танцами и женским образованием. Их сын Генрих, недалекий и чудаковатый, в 1949 году донес на отца и за всю жизнь так и не сумел заслужить уважения собственной дочери Норы. Нора, помыкавшись по провинциальным театрам, от тоски связалась с женатым режиссером, а потом родила сына от аутичного одноклассника. Сын вырос, и был вывезен в Америку к отцу – подальше от войны, Афганистана и Чечни.

В начале романа мы наблюдаем юных Якова и Марусю, его будущую жену. Их жизнь сложилась очень сложно: 30-40-е годы в истории нашей страны – крайне тяжелый период. Репрессии, которые идут в отношении «буржуазных» элементов, выкосили большой слой

интеллигенции и специалистов. Якову пришлось пройти три ссылки – в Сталинград, в Бийск и в Коми. Все эти годы он активно, раз в пять дней, писал письма своей любимой жене. Взаимоотношения Якова и Маруси мы наблюдаем в романе в виде переписки, именно них проявляется личность Якова. Чувство «несчастья было ему чуждо, он не позволял себе этого чувства, старался извлекать радость из ежедневных мелких радостей жизни», главное из которых – хорошая книга. Он всю свою трудную жизнь загружал себя интеллектуальным трудом. За несколько месяцев до своей смерти в возрасте 67 лет он начинает, находясь на поселении в глуши, в Коми, изучать литовский язык, при этом он прекрасно знал уже несколько языков, читал на них. Его интересовала история, биология. Он занимался написанием книг по статистике. Одним словом – интеллектуал. Пробраз Якова – отец Людмилы Улицкой, его настоящую переписку она использовала в романе.

В одной из последних глав книги приведены материалы судебного дела Якова Осецкого. Нора получила разрешение от архива КГБ познакомиться с делом. До этого она неделю читала письма деда из заветного сундучка. Вместе с Норой читатель проходит путь, который несправедливо и жестоко был уготован интеллигентному, порядочному, ни в чем не виновному человеку. В деле зафиксированы все обыски на квартире Осецкого, опись имущества, включая книги, среди которых диссертация Якова, допросы, приговоры, места заключения, перечень болезней «заключенного Осецкого». Как же все это контрастирует с лирическими, философскими письмами Якова. В письмах он постоянно пишет о любви к жене, о тоске по ней, о книгах, музыке, театре, жалоб на судьбу почти нет. Это почувствовала и поняла Нора, она очень хочет написать книгу, в которой расскажет не только о Якове, но обо всех поколениях ее семьи.

История Якова очень драматична, человек провел по ссылкам и лагерям более 13 лет. Любовь к книгам, знаниям, искусству спасала его и еще письма, которые, как оказалось, были никому не нужны. Жена, как это часто случается при такой ситуации, не выдерживает испытаний. Просто она, искренне верившая в политику партии, решила снять с себя позорное клеймо «жены врага народа»... О реакции Марии на письма Якова можно судить по его же ремаркам и комментариям. Реакция и тон писем, мягко говоря, очень сдержанные. Ее, видимо, многое раздражает в рассуждениях мужа, жизнь Марии более приземленная: быт, работа, воспитание сына Генриха.

Длительная разлука делает свое дело, в отношениях, пусть и заочных, между супругами проходит все более явственная трещина. Дело идет к разрыву, он и происходит, Мария заочно разводится с Яковом, даже не сообщив ему в лагерь. Она даже пытается создать новую семью, но эта история быстро заканчивается и заканчивается грустно. Сын Генрих не только поддерживает мать по части развода, но и сам отрекается от отца, заменив его фамилию на материнскую. Генрих вообще становится очень холодным человеком, равнодушный ко всем, кроме себя. После многих лет скитания Яков был лишен права жить в Москве, в том месте, откуда его забрали на многие годы, и жизнь его закончилась в небольшом провинциальном городе, с нелюбимой женщиной. Улицкая приводит такое количество писем Якова, чтобы сказать: от умного, думающего человека остается не только лагерная тень, остаются запечатленные на бумаге мысли – глубокие, подчас парадоксальные, наполненные интеллектом человека..

Стремление к искусству, любовь к музыке, творчеству, а еще терпение и упорство передалось внучке Якова и Марии – Норе. Искусство стало ее профессией, она талантливый художник-декоратор. Также как и дед, Нора была обделена семейным счастьем, но и способность стойко переносить все причуды судьбы досталось тоже от него же. Сын с особенностями в развитии, похожий на своего отца, воспринималась Норой, как данность, с которой надо жить... Театр, живопись спасли и Нору от одиночества. Все-таки очень важно, когда человеку есть чем жить, есть «лестница, по которой нужно подниматься».

У каждого в доме, убеждена Улицкая, хранятся такие же письма или записи – свидетельства жизни родителей, дедушек и бабушек. И такую же работу, какую проделала писательница, – работу сложную, кропотливую, во многом археологическую, – должен проделать каждый. Потому что у каждого в семье есть своя версия истории. И ее следует записать.

«**Детство сорок девять**» – книга о детстве тех, кто был ребенком в послевоенные годы. В этой книге Улицкой собраны удивительные, пронзительные и щемящие рассказы о послевоенном времени, когда война кончилась, а детство продолжалось. И, несмотря на то, что оно было бедным – оно было таким чудесным... Новая книга писательницы – это воспоминания о ее детстве на закате сталинской эпохи, о детстве со всей свежестью ощущений, воспринимаемых детьми. В 1949 году Людмиле Улицкой было шесть лет. В сборнике рассказов «Детство сорок девять» собраны шесть ее коротких

«свидетельств» о том времени. Рассказы могут показаться на первый взгляд очень простыми, безыскусными, но это – неприукрашенная правда тогдашней жизни. Всего шесть коротеньких рассказов о совершенно другой эпохе, другом времени. Хотя... эпохи меняются, а суть человеческая остается.

В каждом из рассказов («Капустное счастье», «Восковая уточка», «Гвозди», «Бумажная победа», «Счастливый случай», «Дед-шептун») с новой силой воскресают переживания, которые, казалось, давно были стерты. Вот, например, рвущий душу рассказ «Капустное чудо». Две маленькие сестрички (старшей – всего шесть лет) после войны остались сиротами и попали на воспитание к двоюродной бабушке. Та не сразу решила оставить детей у себя (ведь это – обуза). Но девочки оказались трудолюбивыми и покладистыми, робкими и смиренными. Они понимали: если дальняя родственница их прогонит, им некуда будет идти. В один из промозглых ноябрьских дней пожилая женщина отправила малышей за капустой. А это – не нынешнее посещение супермаркета. Нужно было отстоять долгую страшную очередь под дождем. И, главное, никакой гарантии, что капуста тебе достанется. Может, не завезут, а может, кончится перед твоим носом. Кстати: никому из «советских граждан, строителей коммунизма» и в голову не пришло пропустить детей вперед. У каждого – свои проблемы, и дома тоже семеро по лавкам сидят... Когда подошла очередь сирот, старшая, Дуся, вдруг с ужасом поняла, что из дырявого кармана ее старенького пальтишка выпала и потерялась десятка (большие по тем временам деньги). Капусты девочкам не дали, из очереди прогнали, никто из «граждан» их не пожалел: не скинулись всем миром хотя бы на один кочан, не помогли. Девочек охватил ужас: как они вернутся без капусты, не выгонит ли их двоюродная бабушка? А еще говорят, будто люди тогда были лучше...

Как страшно шестилетней Дусе и младшенькой Ольге быть с двоюродной бабушкой, у которой и прозвище какое-то «тяжелое» – Слониха, да еще бормочет все время от недовольства навязанной обузой: времена-то голодные, бедные. Лишние рты ни к чему. Вопрос о том, оставить Ипатьевой девочек или сдать в детдом, возник потому, что время, которое описывает Улицкая, – послевоенное, в стране – разруха, денег мало. Старушка еле сводила концы с концами, когда была одна, а тут еще на ее голову «свалились» девочки. Когда описывается вопрос выбора Ипатьевой (оставить ей девочек у себя или нет), обращает на себя внимание глагол

«сдать» (в детдом), который подчеркивает то, что девочек никто за людей-то и не считал. Они были как вещи, с которыми могли поступить, как хотели. Бедняжки, они были так одиноки. Их никто не мог защитить.

Но мир детства в литературе – это не только мир сложностей, конфликтов, это и сказочный мир мечты, чуда, которое может расцветить самые горькие минуты жизни, напомнить о том, что рядом с нами всегда есть добро, любовь. Происходит первое чудо (или что-то только напоминающее это чудо) – Ипатьева повела детей в баню, а потом «впервые уложила их спать на свою кровать». Подруге Кротовой сказала коротко: «Господь с ними, пусть живут. Может, неспроста они ко мне на старости лет пристали». Слониха превратилась в бабу Таню, рядом с которой так интересно сидеть и слушать стук швейной машинки.

И когда девочки думали, что бы сказать Ипатьевой, как оправдаться, чтобы не прогнала, в этот самый момент произошло настоящее, материальное, чудо: от резкого поворота из несущегося мимо грузовика выпали два огромных кочана. Вот он, счастливый конец. А в это время Ипатьева сидит у подруги и плачет, убиваясь о пропаже «золотых, ласковых девчоночек». Она уже не может представить жизни без них, не знает, как они без нее обойдутся.

Рассказ «Восковая уточка» – второй в сборнике «Детство сорок девять» и самый лаконичный. Но при всей краткости он необычайно глубокий и заставляет о многом задуматься. Сюжет совсем простой. О событиях трудного послевоенного детства вспоминает героиня Валька, «на весь мир известная спортсменка». У героини рассказа не было никаких старых ненужных вещей, которые можно было бы поменять хотя бы на самую пустяковую игрушку у старьевщика, регулярно приезжавшего к ним во двор. В отчаянии девочка украла у соседки старый половик и получила за него от него вожденную восковую уточку со сломанным крылышком.

Бедный, голодный мир. Даже лошадь старьевщика, старого Родиона, была «костлявая». Тележка, которую тащила лошадь, была самым большим развлечением и самой большой радостью не только для детей, но и для взрослых, ведь жива еще память о войне, разбившей обычную мирную жизнь людей. А что несут в обмен на «драгоценности», хранящиеся в фанерном чемодане? «Луженая-перелуженная кастрюля с дырявым дном», «старая шинель»; «три галоши» (именно три, подобранные в майский праздник на улице);

«ватное прожженное одеяло». А старьевщик меняет это на легкие сережки, маленькие колечки, ослепительные стеклянные шары с плавающими в них рыбами и лебедями, пуговицы, нитки, иголки и т. п. Именно эти предметы кажутся волшебными: «волшебно переливались под майским солнцем». И среди них «прозрачные раскрашенные восковые уточки», на которые обратила внимание Валька. Особенно приглянулась ей одна, «немного попорченная, с вмятиной на крыле». Именно на такую дешевую вещицу и могла рассчитывать девочка, но в тот раз у нее не было ничего, что можно было бы отдать старьевщику. И тогда она решается на кражу: хватает соседкин половик и несется за уезжающим Родионом. И, чудо! Старый Родион взял половик, «не глядя, сунул руку в фанерный чемодан, огромными пальцами вынул оттуда помятую уточку и опустил Вальке в руку».

«Восковая уточка», давно растаявшая, подарила новую жизнь девочке. В одном маленьком абзаце пишет об этом Улицкая: гибкой и ловкой оказалась Валька; занималась в секции гимнастики, потом в спортивной школе; ездила на сборы, стала мастером спорта, потом – известной спортсменкой. Так «восковая уточка» стала символом обретенного счастья, чудом, которое помогло человеку разобраться в самом себе и найти свою дорогу в жизни.

В рассказе «Дед-шептун» дети из зависти разбили мячиком наручные часики у дошкольницы Дины: она тайком взяла их у старшего брата и нахвасталась во дворе, будто эти часики – ее. А ведь все эти дети – наверняка сознательные «октябрята и пионеры». Но, оказывается, и тогда люди были всего лишь людьми. А дети, увы, и вовсе не ангелы – обычно это злые и жестокие существа, порой даже более жестокие, чем взрослые.

Часы, подаренные брату Дины Алику, стали настоящим чудом в послевоенной жизни, «невиданно богатым по тем временам подарком»: ни у кого в классе таких не было, ни у кого во дворе. И хотя прошло много лет с той поры, но Дина помнила их, в ее представлении они были живыми: у циферблата – «торжественное выражение лица»; похожие на игрушечные, они «старались выглядеть посolidнее». И как можно было не взять эти часы, забытые Аликом на стуле возле кровати? Как не надеть их на руку и не выйти во двор? Дина счастлива и горда. Часы придали ей величие и особую значимость, даже злющий дворник спрашивает у нее время. Обыкновенный и необыкновенный мир сталкиваются так близко. И необыкновенный мир рушится. Кульминация наступает быстро – часы разбиты

мячом, «направленным чьей-то завистливой рукой». На сцену вступает дед-шептун, чьи умелые руки совершают волшебство. Он вспоминает свое ремесло. Хотя в начале рассказа мы узнаем, что «он был почти совсем слеп», «читать уже давно не мог», дед, как сказочный чародей, с помощью пинцетов, щеточек, колесиков, «глазка» (круглого увеличительного стекла) возвращает часы к жизни.

Рассказы «Гвозди», «Счастливым случаем», «Бумажная победа» о том, что люди, как и у Достоевского, совмещают в себе «две бездны» – они и добрые, и злые одновременно. Фабула рассказа «Счастливым случаем» проста, в ней ничего необычного, загадочного. Послевоенная весна, городской двор, в котором сталкиваются люди, нашедшие в нем приют в годы войны. Многие художественные детали говорят о бедной, скудной жизни: «дощатый двухэтажный дом», «крошечные подвальные комнаты», «подвальная сырость», «многодетные семьи, хулиганистые мальчишки, зловредные старухи, терпеливые женщины». И вот один из героев, «шкодливый Колька», внук старухи Клюквиной, забирается на чердак, сваливается с него и этим самым примиряет свою бабушку с Халимой, которую до этого случая она терпеть не могла.

Рассказ «Бумажная победа» завершает сборник «Детство сорок девять». В нем наконец-то появляется по-настоящему счастливый человек – Геня Пираплетчиков. А ведь название рассказа вряд ли вызывает ожидание хорошей развязки. Какое-то странное название, как, например, и первого рассказа «Капустное чудо». Явный оксюморон. Победа, но почему бумажная? Может, не настоящая, только на бумаге? И при чем здесь вообще бумага?

Сюжет его, как всегда у Л. Улицкой, прост: живет на свете мальчик, мальчика недолюбливают его сверстники, потому что он некрасивый и часто болеет. Начинается все с конфликта между Геней и остальными ребятами – обычного детского конфликта. Он осложняется тем, что события происходят в первые послевоенные годы, когда жизнь детей и их родителей была далеко не безоблачной. Очень жаль мальчика Геню с такой неблагозвучной фамилией – Пираплетчиков, которого вечно унижали ребята со двора из-за его странной походки и болезненности. А вот когда мама предлагает пригласить ребят на день рождения сына, ее понимаешь сразу: мальчик удивит чем-то детей, и они изменят свое отношение к нему. Но Геня не хочет этого праздника. Наверное, не хочет подчеркивать, что он живет лучше, «богаче», чем другие. Боится, что над ним будут издеваться еще больше? Ведь у него есть пианино, книжный шкаф, ноты и даже маска Бетховена.

Практически никто из ребят не принес подарков Гене, просто они бедно живут, поэтому-то ничего и не принесли, не привыкли к праздникам, их, видимо, нет в их жизни. И только две сестрички подарили Гене большой букет желтых одуванчиков. Столкнулись мир обыденный, в котором плохо одетые дети, «в полном молчании поедавшие угощение», бедное угощение послевоенных лет («мелко порезанный винегрет, жареный хлеб с селедкой и пирожки с рисом») и мир необыкновенный, где звучит музыка Шуберта, Бетховена. Дети слушали музыку, и «легкие бегущие звуки» завораживают, пугают и трогают их сердца.

Геня во время празднования своего рождения делает детям немудреные игрушки из простой бумаги. И, счастливые, они забывают о своей неприязни. Они становятся свидетелями чуда – оно ведь действительно появилось в их жизни. И читатель это видит и понимает, что дети, пришедшие в гости к Гене, не преступники, не бандиты, а просто несчастные, обездоленные существа, в жизни которых не было прекрасного. И если вначале, в эпизоде за столом, дети явно несимпатичны, что усиливается грубоватой лексикой («жрал без зазрения совести», «наперед загадывали», какую еще конфету взять; «бесстыжим образом разглядывал комнату», «шарил и шарил глазами»), то теперь мы им сочувствуем. А когда они, пораженные великолепными бумажными фигурками, созданными Геней, «тянули к нему руки» улыбались ему и все благодарили его, мы испытываем симпатию к детям. Даже наглый Айтыр, старший из ребят, впервые в жизни обратился к Гене по имени, попросил его, чтобы тот раскрыл секрет создания бумажного кораблика.

И вот оно чудо – едва Геня успевал сделать последнее движение, как готовую вещь немедленно выхватывала ожидающая рука. «Он был счастлив. Он не чувствовал ни страха, ни неприязни, ни вражды. Он был ничем не хуже их. И даже больше того: они восхищались его чепуховым талантом, которому он сам не придавал никакого значения. Он словно впервые увидел их лица: не злые. Они были совершенно незлые».

Видимо, Людмила Улицкая хотела сказать нам, что в любое, пускай самое трудное время, нужно оставаться людьми и радоваться светлому счастью, нужно видеть даже самое маленькое чудо, которое вдруг подарила тебе жизнь. Закрыв эту книгу Улицкой, понимаешь: люди злы, мир жесток, но... люди и добры. Каждый из нас должен сам делать выбор, должен делать самого себя. Улицкая написала

эту книгу для наших детей – чтобы сравнили, подумали. Времена «до мобильных телефонов» они считают доисторическими, и совершенно искренно не понимает, как можно было жить без интернета. Но «Детство сорок девять» – это детство и их бабушек и дедушек. Пусть прочтут эти рассказы.

Наверное, сама Людмила Евгеньевна не ставила перед собой глобальные задачи, когда создавала эти рассказы. В одном из интервью она объясняет создание этих рассказов так: «В биологии есть такое понятие «импринтинг» – первое острое впечатление живого существа. Например, если только что вылупившемуся цыпленку показать валенок, то он будет считать этот валенок своим родителем. И в жизни человека есть периоды, когда он очень чувствителен. Прежде всего – время детства, когда все укрупнено, усилено, имеет дополнительные краски, как будто существует еще один спектр цветов, звуков... Стереоскопическое зрение ребенка срабатывает и до сих пор: меня так и не отпускают мои детские воспоминания».

Произведения Л. Улицкой

Бедные родственники : рассказы. – Москва : ЭКСМО, 2002. – 220 с.

Бедные, злые, любимые : повести, рассказы. – Москва : ЭКСМО, 2007. – 383 с.

Веселые похороны : повесть и рассказы. – Москва : Вагриус, 2000. – 460 с.

Второе лицо : повести и рассказы. – Москва : ЭКСМО, 2002. – 223 с.

Даниэль Штайн, переводчик : роман. – Москва : ЭКСМО, 2007. – 527 с.

Детство сорок девять : рассказы. – Москва : АСТ, 2013. – 88 с.

Зеленый шатер : роман. – Москва : ЭКСМО, 2011. – 591 с.

Искренне Ваш Шурик : роман. – Москва : Эксмо, 2006. – 447 с.

Казус Кукоцкого : роман. – Москва : ЭКСМО, 2008. – 510 с.

Лестница Якова : роман. – Москва : АСТ, 2015. – 731 с.

Люди нашего царя. – Москва : ЭКСМО, 2006. – 365 с.

Медея и ее дети : роман. – Москва : ЭКСМО, 2002. – 287 с.

Первые и последние : рассказы. – Москва : ЭКСМО, 2003. – 354 с.

Русское варенье и другое : пьесы. – Москва : ЭКСМО, 2008. – 254 с.

Священный мусор : рассказы, эссе. – Москва : АСТ, 2014. – 476 с.

Сонечка : повести и рассказы. – Москва : Эксмо, 2005. – 413 с.

Цю-юрихь : роман, рассказы. – Москва : ЭКСМО, 2002. – 363 с.

Литература о творчестве Л. Улицкой

Абдуллаев, Е. «Детский проект Людмилы Улицкой» / Е. Абдуллаев // Вопр. лит. – 2007. – № 6. – С. 352–355.

Архангельский, А. «Свобода – дорогой товар» : о новом романе Л. Улицкой «Лестница Якова» / А. Архангельский // Огонек. – 2015. – № 45. – С. 30–32.

Беляков, С. Дон Кихот из Хайфы : о романе «Даниэль Штайн, переводчик» / С. Беляков // Новый мир. – 2007. – № 5. – С. 161–168.

Бондарева, А. «Страх самозванства» : о кн. «Священный мусор» / А. Бондарева // Октябрь. – 2013. – № 3. – С. 185–186.

Бугославская, О. Взрослые и дети : о рассказах Л. Улицкой «История о старике Кулебякине, плаксивой кобыле Миле и жеребенке Равкине», «История про кота Игнасия, трубочиста Федю и Одинокую Мышь» / О. Бугославская // Знамя. – 2005. – № 10. – С. 217–220.

Васильева-Шальнева, Т. Проблема «человек и время» в произведениях Л. Улицкой «Сонечка» и «Медея и ее дети» / Т. Васильева-Шальнева // Лит. в шк. – 2016. – № 10. – С. 20–22.

Воронель, Н. Секрет Дон Жуана : о романе Л. Улицкой «Искренне ваш Шурик» / Н. Воронель // Новое время. – 2006. – № 40. – С. 34–35.

Гицаенко, Д. Куда ведет лестница : о романе Л. Улицкой «Лестница Якова» / Д. Гицаенко // Октябрь. – 2016. – № 12. – С. 171–174.

Гордеева, Л. Писатель с улицы Людмила Улицкая // Лит. Россия. – 2011. – № 6. – С. 1–4.

Кац, Э. Новейшая проза : М. Москвина, М. Вишневецкая, Л. Улицкая, Т. Толстая // Рус. словесность. – 2004. – № 7. – С. 39–43.

Ковтун, Н. Игра как способ миропостижения в повести Людмилы Улицкой «Веселые похороны» / Н. Ковтун // Рус. лит. – 2013. – № 1. – С. 210–217.

Кокшенева, К. Дыра нового атеизма : о романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» / К. Кокшенева // Москва. – 2008. – № 4. – С. 209–217.

Крутиков, М. Опыт российской еврейской эмиграции и его отражение в прозе 90-х годов в творчестве В. Аксенова, Л. Улицкой, Д. Рубиной, О. Бешенковской / М. Крутиков // Диаспора. – 2000. – № 3. – С. 212–234.

Кузнецов, И. «Даниэль Штайн» Л. Улицкой в русской литературной традиции / И. Кузнецов // Рус. словесность. – 2008. – № 6. – С. 38–42.

Латынина, А. «Всех советская власть убила...» : «Зеленый шатер» Людмилы Улицкой / А. Латынина // Новый мир. – 2011. – № 6. – С. 169–177.

Латынина, А. «Наше счастливое детство» : о кн. воспоминаний Л. Улицкой «Детство-49» / А. Латынина // Новый мир. – 2013. – № 12. – С. 121–129.

Лебедушкина, О. Покаяние и прощение / О. Лебедушкина // Дружба народов. – 2011. – № 5. – С. 198–208.

Малецкий, Ю. Роман Улицкой как зеркало русской интеллигенции : любительский опыт апологетики Церкви «от противного» / Ю. Малецкий // Новый мир. – 2007. – № 5. – С. 173–190.

Малецкий, Ю. Случай Штайна: любительский опыт богословского расследования / Ю. Малецкий // Континент. – 2007. – № 3. – С. 16–250.

Мартыненко, О. Узнать незнакомца в Эммаусе : о романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» / О. Мартыненко // Моск. новости. – 2006. – № 43. – С. 40.

Муратханов, В. Диктанты памяти : о лауреатах премии «Большая книга – 2007» Д. Рубиной и Л. Улицкой / В. Муратханов // Октябрь. – 2008. – № 2. – С. 177–179.

Осьмухина, О. В поисках утраченной толерантности : о прозе Людмилы Улицкой / О. Осьмухина // Вопр. лит. – 2011. – № 1. – С. 144–158.

Осьмухина, О. Скромное обаяние эпохи : «Зеленый шатер» Людмилы Улицкой / О. Осьмухина // Вопр. лит. – 2012. – № 3. – С. 108–119.

Полупанова, А. Игра и театрализация действительности как принципы организации текстового пространства в повести Л. Улицкой «Веселые похороны» / А. Полупанова // Филол. науки. – 2013. – № 11. – С. 158–161.

Пранцова, Г. «Происходило Рождество... странное, смещенное...» : о рассказе Л. Е. Улицкой «Путь осла» / Г. Пранцова // Рус. словесность. – 2010. – № 2. – С. 26–30.

Пустовая, В. Ракета и сапоги : тема совет. детства и диссидентства в произведениях Л. Улицкой / В. Пустовая // Октябрь. – 2012. – № 3. – С. 177–184.

Ребель, Г. Черты романа XXI века в произведениях А. Иванова и Л. Улицкой / Г. Ребель // Нева. – 2008. – № 4. – С. 194–199.

Ребель, Г. Людмила Улицкая: еврейский вопрос? / Г. Ребель // Дружба народов. – 2007. – № 7. – С. 207–211.

Репьева, Е. Роман как оружие глобализма : о романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» / Е. Репьева // Лит. Россия. – 2007. – № 2. – С. 10.

Рудалев, А. Код Улицкой : о романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» / А. Рудалев // Наш современник. – 2008. – № 3. – С. 263–267.

Савельева, М. Маленькие человечки : о романе Л. Улицкой «Зеленый шатер» / М. Савельева // Октябрь. – 2011. – № 5. – С. 175–178.

Смородина, А. Казус от Улицкой : о романе «Казус Кукоцкого» / А. Смородина // Москва. – 2008. – № 8. – С. 213–226.

Солдатов, А. С пор о законе и благодати. Версия 21 века : о романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» / А. Солдатов // Огонек. – 2007. – № 8. – С. 48–49.

Фролова, Т. Шатер с табличкой «Выход» : о романе Л. Улицкой «Зеленый шатер» / Т. Фролова // Нева. – 2011. – № 8. – С. 198–208.

Шафранская, Э. Роман о «Переводчике» / Э. Шафранская // Рус. словесность. – 2007. – № 5. – С. 43–46.

Шафранская, Э. Русская литература о нерусской жизни и нерусских героях / Э. Шафранская // Рус. словесность. – 2007. – № 7. – С. 41–45.

Шишкова, С. Возвращение «батюшек» : о кн. Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» и М. Кучерской «Бог дождя» / С. Шишкова // Знамя. – 2008. – № 2. – С. 189–196.

Шишкова-Шипунова, С. Код Даниэля Штайна, или Добрый человек из Хайфы / С. Шишкова-Шипунова // Знамя. – 2007. – № 9. – С. 193–197.

Щегина, Л. О романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» / Л. Щегина // Лит. газ. – 2007. – № 5. – С. 7.

Щеглова, Е. Несбывшаяся мечта : о прозе Л. Улицкой / Е. Щеглова // Звезда. – 2012. – № 3. – С. 216–229.

Эдельштейн, М. За всю среду : о романе Л. Улицкой «Зеленый шатер» / М. Эдельштейн // Эксперт. – 2011. – № 12. – С. 72.